

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

РУССКИЕ В АМЕРИКЕ

Алексей Заревин

ЗОЛОТО ПОД НОГАМИ

18+

Исторический детектив: русские в Америке

Алексей Заревин
Золото под ногами

ИД «Флюид ФриФлай»

2020

УДК 821.11-312
ББК 84(0)-9-44

Заревин А. А.

Золото под ногами / А. А. Заревин — ИД «Флюид ФриФлай»,
2020 — (Исторический детектив: русские в Америке)

ISBN 978-5-907220-27-0

Вы еще помните тот чистый восторг, который охватывал вас при первом чтении книг Фенимора Купера и Майн Рида? Вы, конечно, думаете, что эти ощущения не вернуть. А вот и нет. Иногда они возвращаются. В «Золоте под ногами» есть все, что пленяло нас в детстве, — и индейцы, и следопыты, и трапперы, и пираты, и страшные американские бандиты, и золотодобытчики, и даже мистическая нечистая сила... Причем написана эта книга современным динамичным русским языком.

УДК 821.11-312

ББК 84(0)-9-44

ISBN 978-5-907220-27-0

© Заревин А. А., 2020

© ИД «Флюид ФриФлай», 2020

Содержание

Глава I	6
Глава II	11
Глава III	19
Глава IV	30
Глава V	44
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Алексей Заревин

Золото под ногами

© Заревин А., 2020

© ИД «Городец-Флюид», 2020

Глава I

Двадцать пятого мая тысяча восемьсот сорок девятого года трехмачтовая пассажирская шхуна «Изабелла» вошла в бухту Эрба Буэна и после недолгого лавирования в немудреном фарватере села на мель в одной морской миле от берега.

Удар о подводный камень пришелся в правую скулу на десять дюймов ниже ватерлинии, и через пробоину в трюм немедленно хлынул поток чистой океанской воды. Каменный клык, проникший в чрево «Изабеллы», зацепился за переборку, корму шхуны по инерции занесло влево, затем развернуло поперек фарватера и вынесло на песчаную косу, скрытую водами прилива. Зад «Изабеллы» оказался погруженным в песок, а в скуле, словно гигантский зуб морского змея, застрял кусок черной скалы.

Многочисленные пассажиры, взошедшие наверх и попадавшие от непредвиденной резкой остановки, имели вид помятый и жалкий. Женщины визжали, мужчины ругались, кто-то стонал; растерянно оглядываясь, искали близких, по палубе бегали серые корабельные крысы, и над этим гвалтом, перекрывая его, гремел свирепый рык капитана Бартла Брана. Огромный, страшный в гневе, он метался по судну и рычал, как раненый тигр. Его рыжая ирландская борода и густая шевелюра пламенели в солнечном свете. Внезапно появляясь здесь и там, он изрыгал проклятия, грозил огромным кулачищем и ревел: «Где он?! Где этот акулий хрящ? Дайте мне эту вонючую крысу! У-у-у-у!..» Матросы старались не попадаться ему на глаза, а повстречав, демонстрировали особое усердие: закидывали пробоину балластом, поднимали из трюма наверх мокрый корабельный скарб, а в трюм тащили инструмент и доски. Шкипер «Изабеллы», дюжий верзила по прозвищу Брамсель, косился на капитана, размышляя, не тронулся ли умом старина Бартл и не появится ли в связи с этим скорбным событием в судоходной компании капитанская вакансия.

Среди немногих, кто в суматохе и панике сохранил невозмутимость, выделялся джентльмен лет пятидесяти, одетый в добротный длиннополый сюртук, жилет и белую сорочку без воротника на мормонский манер. Помимо прочего, на нем были цивильные брюки, подбитые кожаной вставкой на месте седалища, широкополая шляпа, скрывающая поредевшую шевелюру с проседью, на ногах – темно-коричневые сапоги из бычьей кожи. В облике этого человека не было ничего выдающегося, однако любой южанин по неуловимым для чужого взгляда признакам безошибочно признал бы в нем уроженца Техаса. Впрочем, одну особую примету можно было все-таки назвать: прозрачные глаза джентльмена были холодны, как сталь армейского клинка, в них не было ни капли жалости или участия.

В момент крушения джентльмен находился в персональной каюте первого класса, и стоит заметить, что до его появления на корабле кают первого класса не было, а та, в которой путешествовал джентльмен, была оборудована специально для него. Впрочем, ударом о камни его бросило на пол точно так же, как обыкновенных пассажиров «Изабеллы». Когда же судно окончательно село на мель, он вскочил, немедленно опоясал талию ремнем, на котором болтались две кобуры, схватил дорожный сак, нацепил шляпу и с живостью, не характерной для его возраста, взбежал из каюты на палубу. Растолкав бестолковых товарищей по несчастью, джентльмен выбрался на неприлично откляченную корму «Изабеллы», окинул взглядом окружающий пейзаж и, поняв, что в ближайшее время ждать ничего страшнее того, что уже произошло, не придется, преспокойно уселся на случившийся поблизости рундук и стал раскуривать трубку.

При этом он внимательно следил за всполошенной публикой, суетливыми матросами и разъяренным капитаном. Картина была забавной, джентльмен усмехался в усы и пускал замысловатые кольца табачного дыма.

Когда капитан очередной раз пробежал мимо, он слегка подался вперед и громко произнес:

– Ищите лоцмана, кэп?

Бартл резко развернулся на голос и уставился на джентльмена. Налитое кровью лицо его перекошилось:

– А, мистер Милвертон! Да, ищу, сэр! И, клянусь девственностью пресвятой Богородицы, вырву ему кишки, когда найду!

– Его уже нет на судне.

– Где? Где он?!

– Полагаю, во-он там. – И джентльмен протянул руку вправо, указывая на берег.

Капитан застыл у поручня, пытаясь получше рассмотреть водную поверхность, но ему мешали яркое солнце и сильная рябь, отражавшая солнечный свет мириадами бликов. Бран не увидел беглеца, но на всякий случай заорал:

– Шкипер! Шлюпку на воду! Догнать! – Он вновь обернулся к своему собеседнику. – Черт бы вас подрал, мистер Милвертон! Ведь это вы рекомендовали мне этого никчемного пройдоху! Он посадил нас на мель и смылся. В Эрба Буэна не осталось ни одного лоцмана! Этот крысиный помет утверждал, что знает бухту и фарватер как свои пять пальцев, и вы сказали, что он хорош в своем деле. – Бран на секунду замолк, переводя дух. – Убью! – гаркнул он на джентльмена в переизбытке чувств.

– Нанять его было вашим решением, кэп. Не сваливайте вину на первого встречного, – спокойно произнес джентльмен. – И вообще, скверный лоцман не самая большая ваша беда. Посмотрите на берег. К нам уже идут.

Действительно, от причала в этот момент отходила весельная лодка.

– Кто это? – встревожился капитан. – Помощь?

– Вряд ли, – ответил джентльмен. – Это местная гвардия. Не хотел бы я оказаться на вашем месте, капитан.

Старина Бран не умел размышлять о многих вещах одновременно. Однако два момента для него вроде бы прояснились: беглый лоцман плывет к берегу (и, если даст Святой Патрик, не доплывет), а к «Изабелле» приближается вооруженный отряд. И на оба эти обстоятельства ему указал джентльмен с трубкой.

– Не слишком ли много вы знаете, мистер Милвертон? Для простого пассажира вы неплохо осведомлены, а! Что? – подозрительно спросил капитан.

Джентльмен пристально посмотрел в глаза Брану и промолвил:

– Мы провели с вами на одном судне около шести месяцев, капитан. У вас было время поразмыслить и понять, что я не простой пассажир. Впрочем, мы больше не встретимся, так что не стоит уделять моей персоне слишком много внимания. И лоцмана оставьте в покое. У вас есть проблемы посерьезнее. Первая плывет сюда.

Он вынул изо рта трубку и мундштуком ткнул в сторону посуды, которая, преодолевая прибой, быстро скользила к «Изабелле».

– Допустим, – скептически произнес капитан. – А вторая?

– Вторая хуже. – Джентльмен вынул из жилетного кармана часы, отщелкнул крышку и посмотрел на циферблат. – Скоро начнется отлив, и ваше судно повиснет между песчаной косой и рифом. Смекаете?

– Шкипер! – заорал Бран и бросился к матросам, которые возились со шлюпкой, пытаясь спустить ее на воду. – Шкипер!.. К черту шлюпку! Залатать дыру, откачать воду, балласт за борт! Живо, желудки набитые! Живо!

Тем временем лодка, отвалившая от берега четверть часа назад, подошла к «Изабелле». Отряд военных в пятнадцать человек под командованием молодого бритого лейтенанта поднялся на борт и энергично взялся за дело.

– Всех собрать на корме! Капитана ко мне!

Солдаты, не церемонясь, пинками погнали публику на корму. Пассажиры, ошеломленные чередой внезапных катастроф, даже не пытались сопротивляться.

Седой джентльмен встал с рундука, отряхнул штаны, подхватил сак и, не дожидаясь особого приглашения, отправился на объявленное место сбора. Туда же солдаты притащили и капитана судна.

При виде лейтенанта тот приосанился, передал судовые документы и отрапортовал:

– Капитан Бартл Бран, сэр! Следую курсом на Сан-Франциско. Имею на борту двадцать два члена экипажа и семьдесят пять пассажиров, сэр! В трюмах, помимо багажа пассажиров, имею груз продовольствия, пороха и скобяного товара, сэр. – Бран застыл, выпучив глаза на офицера.

Во время рапорта лейтенант изучал судовые документы. Когда Бран умолк, лейтенант оторвал взгляд от бумаг и неприязненно спросил:

– Какого дьявола вы полезли в бухту Сан-Франциско, капитан?

– Согласно судовой документации, сэр! – отчеканил Бран.

– Вы не можете войти в Сан-Франциско. По распоряжению губернатора Сан-Франциско закрыт для пассажирских, а равно любых прочих судов, не имеющих специального разрешения властей. Вам повезло, что вы сели на мель. Если бы вы продвинулись еще на пару кабельтовых, мне пришлось бы расстрелять вас из береговых орудий. Вам следует незамедлительно проследовать в Монтерей и в установленном порядке заявить властям о прибытии. Я, лейтенант республиканской гвардии Джонатан Смит, приказываю вам немедленно покинуть акваторию, сэр!

Для Бартла Брана это было слишком. Капитан ничего не понимал и от этого стал сообщать еще хуже.

– Это что же... – заикаясь, начал он. – Это как... Куда же я?..

– Если не уберетесь отсюда в течение двух часов, я открою огонь по вашему корыту, – добавил холоду лейтенант.

– Дайте мне время до прилива, сэр, – взмолился капитан. – За два часа я не успею.

– Очередной прилив завтра, сэр! – издевательски растягивая слова, произнес лейтенант. – А сегодня вас ожидает отлив! И ваша посудина сядет на скалы так основательно, что перекроет фарватер до второго пришествия, потому что снять ее с камней сможет только чудо господне!

Бартл исподлобья смотрел на лейтенанта. Глаза капитана налились кровью, шея побагровела, на висках вздулись вены. Казалось, еще минута – и он взорвется, как перегретый паровой котел. Матросы, бросив работу, столпились за спиной своего вожака. Компания выглядела очень не дружелюбно, и суровый лейтенант понял, что перегнул палку. Хоть его солдаты и вооружены винтовками, но матросов больше. Обеим сторонам стычка не сулит ничего хорошего. Лейтенант был бы рад разрядить накалившуюся обстановку, но не знал, как это сделать, не потеряв лица. И, как часто бывает с молодыми людьми, мучимыми стыдом за собственную неловкость, поступил противоположно своим намерениям:

– Убирайтесь отсюда к морскому дьяволу, сэр! – прохрипел он сорвавшимся голосом. – Не то я разнесу ваш плавучий гроб по всему заливу Эрба Буэна!

И тут в разговор вклинился загадочный джентльмен в сюртуке. Он вышел из толпы пассажиров и громко произнес:

– Позвольте минуту внимания, лейтенант!

– Что? Кто вы такой?

Незнакомец чуть приподнял шляпу и громко объявил:

– Чарльз Милвертон, личный советник и доверенное лицо президента Тейлора! – И, уже обращаясь непосредственно к лейтенанту, добавил: – Прибыл в Калифорнию из Вашингтона по поручению президента САСШ.

Выражение гнева на лице Джонатана Смита сменилось презрительной ухмылкой.

– Калифорния – независимая республика! – гордо провозгласил он. – Мы не подчиняемся ни вашему президенту, ни вашему конгрессу, сэр! Ваши регалии ровно ничего не значат на нашей земле.

– Это спорное утверждение, лейтенант, но сейчас не об этом, – примирительно ответил Милвертон. – Я прошу всего лишь минуту вашего внимания. Капитан, – обернулся он к Бартлу Брану, – уймите своих головорезов...

– Тихо, животные! – крикнул Бран матросам. – Кто шевельнется, скормлю морскому змею!

Он почувствовал, что советник может разрешить запутанную ситуацию, грозившую вылиться в серьезные неприятности.

Пока пассажиры тихо роптали на корме, оттесненные туда солдатами, а корабельная команда во главе с капитаном переминалась на месте, Милвертон взял лейтенанта за локоть и отвел в сторонку.

– Лейтенант, – сказал он серьезно. – В Калифорнии и без этих (он кивнул в сторону пассажиров и команды) творится черт знает что. Обстановку контролировать очень трудно. Верно я говорю?

– Верно, – нехотя процедил сквозь зубы лейтенант.

– Не усугубляйте положение бойней на этой лохани. Перевезите пассажиров шлюпками на берег и сдайте береговым властям. Этим вы снимите с себя ответственность за их жизни, а заодно и за все грехи, которые они здесь еще совершат. А капитану дайте время до прилива. Уверен, он найдет способ освободить свою «Изабеллу».

– Береговым властям? – вскинулся лейтенант. – Я и есть береговая власть! А также морская, воздушная и любая, какую вы еще сможете придумать. Посмотрите туда! Видите эти корабли?

Он махнул рукой в сторону берега. Весь причал и значительная часть бухты были заполнены большими и малыми судами весьма непрезентабельного вида.

– Они брошены, сэр! – продолжал лейтенант свою пылкую речь. – Они приплывают сюда, привозят сотни людей и остаются здесь. Команды разбредаются по лесам, ищут золото. Этому корыту, – он постучал ногой по палубе, – даже причалить негде. Я не позволю ему тут оставаться! Вы лезете с рекомендациями, а что вы знаете? Ответственность... Отвечать за них придется мне, больше никому. Эти пятнадцать солдат составляют половину моего гарнизона, остальные разбежались. На чем держится порядок – сам не понимаю.

До советника дошло, что своей напускной бравадой лейтенант пытается скрыть смертельную усталость и отчаяние. Служака Смит был одним из немногих оставшихся верным долгу службы, и именно на него обрушилась непомерная тяжесть ответственности за все, что происходило в Сан-Франциско.

– Скоро здесь будет порядок, лейтенант, – убедительно произнес Милвертон, ободряюще положив руку на плечо собеседнику, – вот увидите. А теперь последуйте моему совету: доставьте пассажиров на берег и дайте возможность команде залатать судно. Это самый правильный выход.

Лейтенант хотел было тяжело вздохнуть, но вовремя опомнился и сдержался. А советник уже объяснял капитану:

– Капитан, у вас есть время до прилива. Заделаете пробоину и уйдете в Монтерей. Лейтенант Смит любезно согласился переправить пассажиров на берег.

– Спасибо, сэр! – облегченно произнес капитан. – Я уж думал... Хгм... Спасибо. – И, тут же преобразившись, заорал на матросов: – За работу, желудки! Живо за работу!

Лейтенант Смит, который порадовался про себя, что кто-то распутал клубок намечавшихся неприятностей, решил не встречать, даже если это повредит его авторитету.

А советник продолжал отдавать распоряжения, словно всю жизнь только этим и занимался. Обратившись к пассажирам, он заявил:

– Леди и джентльмены, ваше путешествие закончено. Военные перевезут вас на берег, накормят и дадут кров на пару дней. После того, как власти убедятся, что вы прибыли в Калифорнию с добрыми намерениями, которые, я надеюсь, состоят лишь в том, чтобы честно трудиться и разбогатеть, вы будете отпущены на все четыре стороны. Всего наилучшего, господа! Да пребудет с вами вера в Господа и закон Калифорнии!

Солдаты расступились, пассажиры отправились по каютам собирать пожитки. А Чарльз Эдвард Милвертон, доверенное лицо президента САСШ, сел в лодку вместе с командой лейтенанта Смита и через четверть часа ступил на благословенную калифорнийскую землю, где стремительно разгоралась Золотая лихорадка.

Глава II

Филипп Крамер, жмурясь от яркого света, вышел из тени деревьев на солнечную лесную опушку. Ох, как нехорошо...

Крамер едва сдерживал подступавшую к горлу дурноту. Его мутило. Тяжкий запах разложения застрял в носу, в глотке, в брюхе. Казалось, жирный смрад навечно осел в легких и уже никогда не выветрится. Даже на языке чувствовался сладковатый удушливый привкус.

Выдержка и невозмутимость – без этого шериф не шериф. Уж вы поверьте, бойцовские навыки ни черта не стоят, если не можешь сохранить самообладание и кидаешься в истерику на ровном месте.

Сейчас стошнит...

Крамер с усилием расправил плечи, утвердил правую ногу на большом камне, закрыл глаза, развел руки в стороны и вдохнул весенний воздух долины Сакраменто. Прохладный аромат чистой воды, полуденного солнца, душистых трав, сосновой смолы и горячих речных камней наполнил его грудь, просочился в кровь и потек по жилам, освежая нутро, словно настой мяты на молочной сыворотке. Противный едкий ком в горле ушел куда-то вниз и бесследно растворился. Кажется, полегчало.

Крамер выдохнул и оглянулся. Лошади, привязанные к молодой сосне, тихо переступали копытами и фыркали. Разлапистые папоротники степенно качались под теплым майским ветром. Солнечные лучи пробивали зыбкую тень мохнатой хвои, играли бликами на вековых стволах. Если сощуриться и посмотреть вверх, сквозь ветви, то и само солнце кажется мохнатым, как сосна или гигантская секвойя.

Шериф ощутил прилив сил и оптимизма. Все было так, как и должно быть: река течет, лес шумит, небо безоблачно, пистолеты приятно оттягивают ремень, а начищенный до зеркального блеска значок сияет на сотню миль. В мир Крамера возвращались порядок и равновесие: он очень любил свой сияющий значок и пару новых кольтов.

Окончательному воцарению гармонии мешали два обстоятельства.

Во-первых, за кустами, нарушая лесную идиллию, издавал неприятные звуки юный Сэм Джонсон – его рвало; во-вторых, чудесный речной воздух портил непереносимый смрад, который исходил от неизвестного мертвеца, уютно пристроившегося среди замшелых валунов в сотне ярдов от берега. От него шериф и сбежал, чтобы немного продышаться.

Шериф оправился, стряхнул ошметки сосновой коры с рукава и поправил значок на груди.

По завершении Мексиканской кампании капитан от кавалерии Филипп Крамер был назначен алькальдом Сан-Франциско, а заодно по единогласному выбору жителей исполнял обязанности шерифа. Со времен армейского прошлого Крамер так и не удосужился обзавестись гражданским гардеробом, и потому на нем был армейский мундир со знаками различия. На оружейном ремне болтались две кобуры, а в них была утоплена пара кольтов «Walker».

Был шериф высок и чуть склонен к полноте. Глаза серые, с едва заметным синеватым отливом; когда-то прямой нос, безнадежно свернутый в драке набок, приобрел изгиб орлиного клюва; подбородок скрывала окладистая черная борода, доходившая до середины груди. К его особым приметам стоило отнести неподражаемый командирский голос бывшего кавалериста: такому густому басу позавидовал бы боевой рог викингов. И, пожалуй, повстречай Крамер в горах хозяина Кордильер, медведя гризли, мог бы на равных посоревноваться с ним в грозности рыка, и неизвестно кто уступил бы дорогу сопернику. Суров был обликом алькальд и шериф Сан-Франциско, и только губы у славного кавалериста были пухлые, чувственные, как у девицы, и потому он прятал их за пышной грядой усов.

Крамер сурово поджал немужественные губы и решительно зашагал обратно к трупу. Зажав нос рукавом, он приступил к официальному осмотру.

Белый, рост около шести футов, голый. На спине... Так-так... Что у него на спине? Горизонтальные порезы дюйма полтора длиной в количестве двенадцати штук. Любопытно. Шериф подобрал ветку и смахнул хвоею со спины покойника. Так и есть, двенадцать. По шесть слева и справа от позвоночника. Под коленными сухожилиями и под ахиллами обеих ног проколы. Похоже, сделаны ножом. На правой ноге убитого – следы укусов, койот его грыз, что ли? Лежит на животе, лица не видно.

Вновь ощутив тошноту, Крамер сделал несколько поспешных шагов в сторону берега, перевел дух и крикнул, обращаясь к помощнику:

– Недели две лежит, как думаешь, Сэм?

Из-за сосны послышалось невнятное урчание.

– Хм... Ладно, отдохни малость. Поговорим с вами, джентльмены!

Трое мужчин, стоявших чуть поодаль, вытянулись и изобразили на лицах внимание. Одинаковые драные штаны, скверной выделки льняные рубахи, грубые сапоги, выгоревшие на солнце шляпы и грязные руки с черной каймой под ногтями делали их похожими на родных братьев, донашивающих одежду друг за другом. В прошлом, видать, фермеры, а ныне старателизолотодобытчики.

Крамер смерил троицу долгим взглядом и решил, что можно не церемониться.

– Итак, господа! – провозгласил он. – Меня зовут Филипп Крамер, алькальд и глава службы шерифов Эрба Буэна или Сан-Франциско – как вам будет угодно. А за той сосной мечет харчи мой помощник Сэмюель Джонсон. У меня к вам несколько вопросов. Вопрос первый: кто вы и откуда взялись?

Старший из старателей, худой мужчина лет пятидесяти, с висящими брылами, придававшими ему сходство со старым спаниелем, трубно высморкался, поглядел на ладонь и вытер ее о штанину.

– Ведь говорил я... – с досадой буркнул он надтреснутым голосом, глядя в сторону. – Говорил я, что нас обвинят, что не надо нам встречать...

– Пока я никого ни в чем не обвиняю, – строго заявил Крамер. – Это всего лишь начало следствия. И если уж вы решили стать гражданами Калифорнии, не останавливайтесь на полпути, окажите властям посильное содействие. Это дело об убийстве, совершенном с особой жестокостью, джентльмены. Того, кто это сделал, ждет виселица, так что развязывайте языки, я жду!

«Спаниель» тяжело вздохнул и ответил:

– Мое имя Свен Ларсен, сэр.

– Европейец?

– Американец! – с достоинством поправил тот шерифа. – Двадцать лет назад я приехал в Америку, сэр, и никто не может упрекнуть меня...

– Ладно, ладно, – поморщился Крамер, не любивший патетику новообращенных американцев. – Кто с тобой?

– Моего сына Карла вы уже знаете. А это сосед по ферме Билли Брайан. – Он кивнул в сторону последнего участника трио.

Третий старатель чуть наклонил голову в знак согласия со сказанным.

– О'кей, господа. Будем считать, что знакомство состоялось. Второй вопрос: где его золото?

– Не знаем, сэр! – горячо произнес Карл, здоровенный детина с честными голубыми глазами. – Ей-богу, не знаем! Мы ничего не скрываем, сэр! Неделю назад сюда добрались. Решили стать на ночлег, а утром попытать счастья. Расположились, значит, неподалеку... Ведь поду-

мать страшно, сэр: в ту ночь я спал в двадцати шагах от этого бедняги. А? Так-то, сэр. Мы ведь пришли уже в сумерках, искать место поудобнее было некогда...

– Заткнись, Карл, – оборвал сына Свен. – Не лезь вперед старших. Так я говорю, сэр. Утром, как проснулись, отправились на речку. Помыли немного и решили, что с рассветом двинем дальше.

– Значит, ничего не намыли?

– Нет, сэр, дохлое дело. Говорят, надо идти на север, северо-восток, а здесь пусто. Стали, значит, собирать вещи, ну и наткнулись на этого... Лежит бедняга, воняет. Мы хотели сняться и уйти по-тихому, но потом поразмыслили, что раз уж нам тут жить, то надо содействовать властям. Я послал Карла, он вас привел, а дальше – ваша забота.

Крамер обернулся через плечо и крикнул:

– Сэм, где ты там? Поди сюда, хватит скорбеть над усопшим!

Из-за деревьев выглянул Сэм Джонсон, смущенно потоптался на месте, но взял себя в руки и двинулся к шерифу.

Крамер недолюбливал своего помощника. Сын богатого калифорнийского землевладельца, неженка и маменькин сынок – на кой черт он сунулся в стражи порядка? Хочешь быть законником – иди в университет, коли денежки водятся. Учись на юриста, а там прямая дорога в судьи, адвокаты, сенаторы, губернаторы... Ну какой из него шериф? Полюбуйтесь на представителя власти: еле ноги переставляет, бледный, как стена, лицо мокрое, каштановая прядь ко лбу прилипла... Даром что росту под семь футов и силища, как у молодого бизона, а скис, словно молоко на солнце.

– Я схожу к реке, мистер Крамер, – прохрипел Сэм.

– погоди, – сказал шериф, – на вот, промочи горло. Настоящая русская водка.

Он протянул помощнику фляжку, затянутую в чехол бычьей кожи. Сэм принял флягу и сделал большой глоток. Его лицо перекошилось, щеки покраснели, глаза вылезли из орбит. Давясь, Сэм выплюнул хмельной напиток, орошая им землю и толстые корни под ногами. Шериф радостно захохотал, остальные зрители тоже повеселели.

– Вот теперь беги. Живо! – гаркнул Крамер, и Сэм помчался к воде.

Крамер резко оборвал смех и подошел к старателям.

– Сейчас нас никто не слышит. Даю слово, что все останется между нами, и никто не узнает того, что вы расскажете. Я знаю, что вы не убивали этого парня. Тебя я помню, – он ткнул в грудь Билли Брайана. – Ты был в «Счастливой подкове» десять дней назад. Наш общий приятель к этому времени уже отдал богу душу. Понимаете, что это значит? Я снимаю с вас подозрение в убийстве. Но мне необходимо знать, кто взял золото. Если это вы, то, клянусь могилой любимого дяди, я закрою на это глаза. Отвечайте, как на исповеди: вы взяли его золото? Сколько там было?

– Сэр, Бог свидетель, – торжественно произнес Свен Ларсен. – Мы обыскали весь лагерь, перерыли все хозяйство, но золота не нашли. Если оно и было у этого несчастного, то забрал его кто-то другой. А мы лишь позаимствовали кое-какой инструмент...

– Обратили внимание на что-нибудь необычное?

– Необычное? – Свен пожевал губами. – Пожалуй, нет. Ничего необычного, сэр. Могу лишь твердо сказать, что он был здесь не один.

– Неужели? – саркастически спросил Крамер.

– И, пожалуй, даже не вдвоем, – продолжал размышлять Свен, не заметивший насмешки. – Шалаш сооружен для троих, утварь тоже на троих, но кое-чего не хватает. Видать, те двое, уходя, что-то прихватили с собой, а часть оставили.

– Хорошо, – сказал Крамер. – Хорошо... Расскажите, как вы добрались в Калифорнию?

– По Калифорнийской тропе, через горы, сэр. Знатный был переход.

– Сколько вас вышло и сколько добралось до места?

– Две дюжины фермеров с семьями, сэр. Половину растеряли в пути, но мы с Билли всегда держались вместе и впредь не расстанемся.

– Одобряю! – торжественно рявкнул Крамер. – Одобряю и благодарю за помощь, джентльмены! Теперь мне нужно от вас только одно: переверните его на спину.

Порыскав в лагере убитого, Карл нашел драное мексиканское пончо. Заткнув носы, они вчетвером завернули в него тело неизвестного и вытащили труп из каменного ложа. Шериф хворостиной откинул край пончо с лица убитого.

– Святая дева Мария... Сэм! – гаркнул он во весь голос.

– Иду, шеф! – крикнул Сэм, который был в десяти шагах. – Я здесь!

– Сэм, черт побери, это же Вилли Бойл! Посмотри-ка, узнаешь его?

Сэм Джонсон, однако, не ответил, потому что спрятался за ближайшей сосной. Его снова рвало.

Шериф приказал старателям похоронить убитого, и те, натаскав речных камней, сложили над телом приличный курган. Шериф с помощником тщательно обыскали лагерь мертвеца, но не нашли ничего, что могло бы рассказать о его спутниках. Сооруженный наспех шалаш да обычный инструмент старателей – сломанная лопата, пара мотыг, дырявый таз для промывки речного песка, грязные одеяла, тряпки... Чепуха.

В семь часов пополудни Крамер и Джонсон не спеша двигались вверх по течению Сакраменто. Крамер сидел в седле ровно, вольно расправив широкие плечи. Взглядом он внимательно обшаривал берег и лес, выискивая признаки присутствия человека.

Сэм старался ему подражать, но закалка была не та: он сутулился, клевал носом и едва держался в седле. Помощник шерифа здорово устал от дневных потрясений и нуждался в отдыхе.

Чтобы отвлечься от мыслей о привале и ужине, он завязал с Крамером профессиональный разговор.

– Как думаете, сэр, почему его убили?

– Ты сам-то как думаешь, Сэм? Давай, приятель, удиви старика Филадельфию.

– Наверное, не поделили добычу?

– Ишь, какая проницательность, – усмехнулся Крамер. – Копай глубже, малыш Сэмми. Копай глубже! Что они не поделили добычу, это и коню моему ясно. Что ж мне, назначить коня своим помощником? Думай, вспоминай. За год мы с тобой видели не меньше дюжины мертвецов. Кретины так дуреют от вида золотого песка, что режут глотки товарищам и стреляют в братьев... В долине Сакраменто, на Американ-Ривер, Эль-Дорадо и Фетер-Ривер – везде одно и то же. Но это убийство особенное, Сэм. Что было не так с трупом? От чего он умер?

– Я не подходил к нему близко, сэр... – виновато ответил Сэм.

– Именно, малыш. Не подходил, а следовало бы. У бедняги Вилли не было ни одной смертельной раны, слышишь? Ни одной! Зато спина изрезана так, что сердце стынет. Его хотели повесить на крючья, как свинью, за ахиллесовы жилы. Понимаешь, какие муки он вынес? Он потерял много крови, но и это не причина смерти. Его убийцы – мастера своего дела, не удивлюсь, если один из них – эскулап или что-то в этом роде. Они долго пытали жертву, но не нанесли смертельных ран. Вилли Бойл умер от боли, малыш. Да, от боли! Я прожил на свете тридцать семь лет, а такого зверства не припомню.

– А индейцы, сэр?

– Сэм, я сто раз просил тебя называть меня Филом. Ты можешь сказать просто: Фил?

– Могу, – улыбнулся Сэм. – Так как же с индейцами, Фил?

– Возможно... – нехотя согласился Крамер. – Да только я не припомню, чтобы индейцы так издевались над белыми. Кого ты обвинишь, какое племя? Кто мог так исполосовать беднягу Вилли? Найсенаны? Мивоки? Или может быть, йокуты? Чушь! Они хитры, но не жестоки. Даже двадцать и тридцать лет назад, когда мы гнали их с родовых земель в бесплодные горы, они и

тогда не пытали пленных! Были стычки, народу полегло изрядно и у них, и у нас, но, скажу тебе по секрету, малыш, вояки из них так себе. Говорят, лет десять назад мивоки задумали выгнать Джона Саттера из Гельвеции. Он узнал, что они готовят нападение, и сыграл на опережение: взял полдюжины своих головорезов и атаковал мивоков первым. Восемь белых разоружили две сотни индейцев! Каково?

– Но у мивоков тогда не было ружей... – неуверенно возразил Сэм.

– Были! – весело отозвался Крамер. – И ружья, и пули, и порох – все было. Накануне сам Саттер и продал им все это богатство. Этот пруссак держал в кулаке весь север и центр, не зря его прозвали Император Калифорнии. Ну да черт с ним...

Крамер о чем-то задумался и некоторое время молчал.

– Если уж говорить об индейцах, то воинственные племена живут за горами, – заговорил он вновь. – На востоке в районе озера Тахо – паюты и уошо. На севере – модоки и кламаты. И еще я слышал, что на юго-востоке есть не больно-то дружелюбное племя йосемити, про него рассказывают жуткие вещи. Не знаю, как они называют себя сами, название йосемити придумали мивоки. С их наречия переводится «несущие смерть» или что-то в этом роде. Там тебе и содранная кожа, и шерсть в пятках, и скальпы по кустам.

– Шерсть в пятках?

– Да... Страшная пытка. Я слыхал про одного парня... Они взяли бедолагу в плен, и на свое горе он оказался первым белым, которого они увидели. Индейцы решили, что он то ли бог, то ли дух, а у них с богами, знаешь, отношения странные. Короче, чтобы бог не убежал, ему сделали надрезы на пятках, а в раны вложили кусочки шерсти койота. Потом индейские старухи тщательно ухаживали за ранами, не давали им гноиться. Порезы зажили, но шерсть осталась в пятках бедняги... Каждый шаг приносил ему столько боли, что многие предпочли бы смерть такой жизни.

Сэма передернуло, ему даже спать расхотелось.

– Однако йосемити живут на востоке, в горах. До них отсюда не меньше двухсот миль нехоженных лесов. Ума не приложу, с чего бы им переться в такую даль ради нашего приятеля Вилли. Короче, басни про индейцев оставим на крайний случай. Чутье подсказывает мне, что они тут ни при чем.

– Кто же мог такое сделать? Вот я белый, – начал рассуждать Сэм. – Мне такие ужасы и в страшном сне не увидеть!

– Если подвести черту под нашим трепом, то напрашивается единственный вывод, – со значением заявил Крамер. – Собери в кулак свои мозги, малыш, и скажи: в каких случаях люди пытаются других людей, если они не психи?

– Когда надо что-то узнать, да, сэр? – предположил Сэм.

– Соображаешь, – одобрил шериф, – именно так. Давай-ка поразмышляем, что конкретно выпытывали убийцы у Вилли. Что он мог скрывать? Ведь славный был парень. Жена у него осталась, ребятишек трое... Что такое он знал, чего не знали прочие, и какая ценность в этом знании?

– Может, он нашел золотую жилу?

– Вся река Сакраменто с притоками – сплошная золотая жила, – возразил шериф. – В любом месте, от истоков до предгорий Сьерра-Невады. Прибавь сюда Фетер-Ривер, Американ-Ривер и все притоки... Нет, Сэм, не то. Я думаю, он нашел самородок. И это был чертовски большой самородок, раз он настолько затуманил голову Вилли Бойлу, что тот решил скрыть находку от товарищей. Это не в характере Вилли, он скорее свое отдаст, чем... Впрочем, что я знаю? – оборвал сам себя Крамер. – Когда-то он был отличным парнем и ни за что не нарушил бы договор. Золотая лихорадка делает из людей самых настоящих психов, Сэм. Тому порукой спина Вилли Бойла. Но вот чего я не возьму в толк...

– Чего, Фил?

– Понимаешь, какое дело, малыш... Ведь здесь нет золота! Золотая лихорадка пришла из Новой Гельвеции, а до нее отсюда – около сотни миль без малого. Так откуда взяться самородку здесь, где ни один счастливчик не намыл золотого песка даже на сломанную мотыгу? Чертовщина какая-то... И еще. Не дают мне покоя укусы на его ноге.

– А как же койот?

– Койот ест падаль только с большой голодухи, Сэм. Было бы дело зимой, я бы и не думал об этом, но сейчас, когда в лесах полно дичи... Мелочь вроде, а свербит, как заноза в мизинце.

Некоторое время они ехали молча. Копыта стучали по прибрежным камням, шумела вода на перекатах, майское солнце клонилось к закату. Угасал последний день весны.

– Скажи мне откровенно, Сэм, – вдруг сказал Крамер. – Зачем тебе все это?

– Что именно, Фил? – заволновался Джонсон.

– Значок шерифа, убийства, вонючие трупы вдоль рек? Твой отец – богатый человек, я слышал, даже аристократ с родословной. Тебе прямая дорога в университет, а там подстегивай карьеру в свое удовольствие! Я не могу понять, что ты здесь делаешь. Нет, пойми правильно, человек волен угробить свою жизнь любым способом, который ему придет в голову, но помощник шерифа – другое дело. Я не могу доверять тебе полностью, не понимая твоих мотивов.

– Ах, это... – Сэм улыбнулся краем губ. – Никаких секретов, Фил. Мой отец считает, что если человек хочет быть адвокатом, прокурором или судьей, он должен знать всю подноготную своего дела. Я должен пройти этот путь с нуля, чтобы понимать людей, научиться различать добро и зло. Откуда же начинать, если не с должности помощника шерифа?

– Резонно, – вынужден был согласиться Крамер. – И что же, все русские так думают и делают?

– Не знаю. Мы не общаемся с соотечественниками.

– Что так?

– Отец считает, что если мы намерены стать американцами, то следует поддерживать контакты с американцами. Он говорит, что Америка – это великий котел, который переплавит сброд со всего света в единую великую нацию.

– А как же Россия? Она тоже котел! Или нет?

– Нет, Фил. Россия – не котел. Она не переплавляет другие нации в русских. Она просто дает кров и защиту малым народам, сохраняя их обычаи, веру... Делится достижениями своей цивилизации и науки. Отец полагает такой путь ошибочным. Он говорит, что рано или поздно это развалит великую империю.

– А ты сам-то как считаешь?

– У меня нет своего мнения о России, я ведь никогда там не был. Отец прекратил всякие контакты с русскими и даже дал мне новое имя.

– Как звучит твое русское имя? – с любопытством спросил Крамер.

– Semyon Yevgenyewitch Rukavitsyn, – с улыбкой проговорил Сэм.

– Да уж, лучше я буду звать тебя Сэм Джонсон, – хохотнул шериф. – Не возражаешь?

– Не возражаю. Именно так меня и зовут!

– А что насчет религии, извини, конечно? У русских она...

– Русские – православные христиане. Забавно, что, невзирая на приверженность всему американскому, отец так и не решился перейти в католичество или протестантство. Даже возвел в саду небольшую православную часовню. Говорит, что свобода вероисповедания – это величайшее достижение Америки и потому американцу не зазорно быть православным. Уж не знаю, в чем тут величие, в России тоже всяк молится, как хочет. Видимо, этот Рубикон перейти очень сложно.

– Что перейти сложно?

– Рубикон. Это пограничная река. Перейти ее означало начать войну, и Цезарь...

– Кто?

– Цезарь. Он перешел...

– Я не понял, малыш, кто перешел? Русский царь?

– Старая история, Фил. После как-нибудь расскажу. Так каков наш план?

– План таков. Мы удалились от Эрба Буэна больше чем на сорок миль. Приличный конец. Возвращаться, ничего не выяснив здесь, значит потерять время. Пойдем вверх по реке хоть до самого Сакраменто, пока не найдем еще кого-нибудь. Пообщаемся, разузнаем, что к чему. Потом вернемся в Эрба Буэна и поговорим с вдовой Вилли. Спросим, с кем он ушел, что за компания с ним была.

Внезапно Крамер сменил тему:

– Однако темнеет. Парень, ты совсем расклеился. Вон там, видишь? Хорошее место для ночлега. Давай-ка остановимся, нам нужен отдых.

Они спешили и повели коней вверх по склону к деревьям. И тут Сэму опять стало нехорошо. Чем дальше они отходили от реки, тем ярче вставала перед ним утренняя картинка с такими же соснами и замшелыми валунами. Те же папоротники, шум реки и смердящий Вилли Бойл на камнях. Дежавю было необычайно ярким, казалось, тяжелый дух смерти снова висит в воздухе. Сэма охватило отвратительное ощущение бессилия, которое он испытывал возле трупа. Ноги ослабели, шаги стали тяжелыми и неуверенными. Снова сосны, снова валуны, между ними иссиня-черная спина мертвеца с зияющими ранами, в которых копошатся суетливые насекомые. И запах. О господи, что за мерзкий запах! Кажется, Сэм пропитался им навсегда. Одежду придется выбросить. У реки был ветер и свежий аромат воды и травы, а теперь опять...

Лошадь Сэма тоже занервничала, она пританцовывала, всхрапывала, словно не желала находиться рядом с человеком, от которого так противно пахнет.

Сэм остановился у кромки леса и отпустил лошадь. Он едва держался на ногах и не падал только потому, что обхватил правой рукой крепкий сосновый ствол и прижался лбом к шершавой коре. Он не знал, сколько времени так простоял, вдыхая запах смолы, проступившей из свежего пореза. Смола не успела затвердеть. Сэм примял большую желтую каплю, и на пальцах осталась липкая жвачка, похожая на мед. От мощного пряного запаха ему стало легче, он отошел от дерева и огляделся.

Обе лошади – его и Крамера – ушли к реке и паслись там, выщипывая редкую травку, пробивающуюся из-под речной гальки. Шерифа нигде не было, и Сэм встревожился. Он торопливо вытер пальцы о кору, но смола все равно осталась на коже. Сэм поднес пальцы к носу и, перебивая смолой гадкую обонятельную галлюцинацию, зашел в лес. Он не успел сделать пяти шагов, как увидел Фила.

Крамер неподвижно стоял ярдах в сорока от Сэма. Солнечный луч падал точно на форменную черную шляпу шерифа, и та издавала странное сияние, словно траурный нимб над головой святого Франциска.

– Мистер Крамер, – полупшепотом произнес Сэм.

Крамер не отвечал.

– Фил, ты слышишь? – повторил Сэм чуть громче.

Не оборачиваясь, шериф медленно поднял руку и сделал знак подойти. Этот спокойный, почти вялый жест внезапно посеял в душе Сэма робость и смятение. Расслабленная поза, в которой стоял шериф, его плавный взмах руки – все это было так обыденно и безобидно, словно старина Фил приглашал малыша Сэма к столу в День благодарения. И в то же время жест, спокойствие, черная шляпа и яркие солнечные лучи – все это было до ужаса неуместно, потому что именно сейчас всем нутром, каждым нервом Сэм ощущал присутствие смерти.

Она была рядом – уродливая безногая старуха с косой. Это ее запах туманил разум и застил взор; это ее истлевший саван мелькал серыми лохмотьями в лесном сумраке, волновал плотный вечерний воздух, пробуждал в сердце животный страх. Ноги Сэма безвольно подо-

гнулись в коленях, руки стали тяжелыми, словно на них надели невидимые нарукавники, набитые мокрым песком.

Помощник шерифа нащупал рукоятку кольта и медленно двинулся вперед. Шум реки постепенно затихал, уступал тихому бормотанию леса. Сэм ступал по мягкому ковру из мха, старательно перешагивая редкие кустики брусники, словно в этом был некий тайный смысл. Здесь, внизу, было тихо, но наверху, в сосновых кронах, разгуливал вечерний ветер, и тонкие прямые стволы жалобно поскрипывали, словно предчувствуя беду.

Он приблизился к шерифу настолько, что мог проследить за его взглядом и понял, что Крамер, не отрываясь, смотрит на странные предметы, подвешенные к сосновым ветвям на высоте пяти-шести футов над землей. Сперва Сэм решил, что это подвесные кровати вроде гамаков. Видимо, они вышли-таки на лагерь старателей, обустроивших ночлег повыше, спасаясь от змей и насекомых. Что ж, разумно, хотя немного высоковато. Повесь кровать в трех футах над папоротником и спи на здоровье. Странные гамаки... Как же в них забираются хозяева?

Сэм встал чуть правее за спиной Крамера и увидел, что по щеке шефа, оставляя широкий влажный след, сползает крупная прозрачная капля. Шериф чуть повернул голову, увидел своего помощника и, как-то нервно дернув щекой, беззвучно, одними губами произнес:

– Вот так-то... А?

И тут Сэм, наконец, понял, что никакие это не кровати и не гамаки. От сосновых веток вниз тянулись прочные пеньковые шпагаты. Их было много, шпагаты пересекались, образуя геометрический рисунок, похожий на паутину, сплетенную гигантским пауком. А по краям этой паутины висели люди.

Сэм зажал рот ладонью и отвернулся к реке.

Закатное солнце посылало красноватые лучи меж сосновых стволов, и яркий свет с запада создавал мощный контраст с потемневшим небом на востоке. Тела висели горизонтально и, раскачиваясь, то попадали в лучи света, то уплывали в лесной вечерний сумрак. Словно стая усталых птиц, запутавшихся в липкой паутине и обессиленных в борьбе, они опустили вниз руки-крылья и тихо повисли над землей. Сосны скрипели и постанывали, как будто просили освободить их от тяжелого бремени, и этот стон, наполненный болью и отчаянием, звучал как погребальный реквием.

Усилием воли Крамер унял дрожь, приблизился к ближайшему телу и заставил себя внимательно осмотреть спину несчастного. Каждый шпагат заканчивался кованым рыболовным крюком. Крюк был вставлен в петлю из кожи и мышц мертвеца. Шесть крючьев в спине – по три с каждой стороны от позвоночника. К ногам тоже тянулись шпагаты, крючья были продеты под коленными и ахиллесовыми жилами.

Крамер развернулся и подошел к Сэму, загребая негнушимися ногами пушистый мох. Сел на поваленный ствол рядом с помощником, снял с пояса флягу и от души приложился к горлышку. Отняв фляжку от губ, сорвал пучок хвои с ближайшей ветки, размял его пальцами и втянул хвойный аромат. Потом резко выдохнул и тихо сказал:

– Нам нужна помощь, Сэм.

Глава III

Слухи ползут.

С лесными ручьями впадают черные слухи в прозрачную воду реки Сакраменто и обращают ее желчным отравленным потоком. Стекает отравы в низовья к самому океану; наполняет дома и салуны Сан-Франциско.

Белесым туманом слухи вползают вверх по горным оврагам, окутывают прииски и лагеря старателей. Колючим ветром врываются в сказочный город Сакраменто, возникший внезапно в сотне миль от побережья поближе к золоту, рядом с американской мечтой.

Пыльными вихрями кружатся слухи по широким улицам столичного города Монтерей. Полнятся слухами дома законопослушных граждан свободной республики, сеют недоумение и страх.

– Что вы думаете об этих жутких убийствах, мистер Мюллер?

– Вы о повешенных на Сакраменто-Ривер, миссис Колет?

– Да. Ужасно, ужасно!

– Полагаю, слухи сильно преувеличены, мэм. Вероятно, власти хотят отвадить авантюристов от золота. Прошу: ваш бекон и два фунта окорока. Доллар и двадцать пять центов, мэм.

– Но говорят, что там нет золота!

– Вот именно, миссис Колет! Они еще не добрались до золота, а их уже повесили, аха-ха! Доллар двадцать пять центов.

– Запишите на мой счет, мистер Мюллер.

Ничего неизвестно. Ручьи, туман, ветер... Зыбко все, ненадежно. В салунах треп и споры до хрипоты: суровые фермеры пьют свой вечерний виски. Никто ничего не знает точно, но всем известны страшные подробности.

– Да ведь там золота нет, дурень! Передрались небось по дороге из-за будущих барышей...

– И перевешали друг друга? Сам дурень!

– Ну да, верь больше. Ты их видел, что ли, повешенных?

– Пришла расплата! Ведет Желтый демон на золотой цепи Черного дьявола! Идут исчадия ада на зов золотого тельца! За алчность, за обиду, что причинили сынам божьим! За детей Святого Франциска!

– Заткнись, святоша. Не божьим сынам, а сукиным детям! И с каких это пор дьявол вступает за благочестивых монахов?

– А что с монахами?

– Вы, я вижу, нездешний, сэр?

– Только что с корабля.

– Это с того, что сел на мель?

– С него. Так кто обидел монахов?

– Давнее дело, сэр. Лет пятнадцать назад у Ордена Святого Франциска отобрали почитай всю землю и передали фермерам-переселенцам.

– Фермерам? Держи карман шире! Вся земля перешла Джону Саттеру!

– Тебе-то почем знать?

– Не слушайте это трепло, мистер. Мой свояк работал на Саттера. Точно вам говорю: у немца договор с дьяволом. Десять лет тому выскочил, как черт из табакерки без гроша в кармане, а сейчас у него сто тысяч акров лучшей земли!

О слухи, домыслы, мифы! Без них стаканчик виски был бы просто вечерним пойлом, но хорошая история превращает его в волшебное зелье. К чему пустота в голове, если ее нельзя заполнить хорошей байкой?

Иоганн Аугустус Суттер.

Йан Зуттер.

Джон Саттер.

Вранье, что у него не было денег. Деньги были.

Перед отъездом в Калифорнию он продал все движимое и недвижимое имущество, что нажил за три года в Миннесоте. Навар вышел скудным, однако Джон распорядился полученной суммой в высшей степени разумно. По прибытии в Калифорнию он не стал покупать землю у мексиканского правительства.

Он купил мексиканское правительство.

Нет, не все сразу – только калифорнийского губернатора Хуана Батисту Альворадо, но это было стоящее приобретение! Вместе с губернатором ему досталось место в правительстве и земля, которую калифорнийцы отобрали накануне у Ордена. Отцы моргнуть не успели, как пятьдесят тысяч акров лучших угодий вместе со всем, что на них произрастало, оказались в собственности проходимца.

Получив на новом месте первый капитал, Саттер развил такую бурную деятельность, что для многих небо стало с овчинку.

– Кто он, этот Саттер?

– Черт его знает, мистер. Вроде немец или швейцарец, а по мне, так разницы нету.

– Я слышал, еврей.

– Это запросто! Кто бы еще смог так охмурить краснокожих, как этот...

– Здесь точно не обошлось без сатаны, истинно говорю вам!

Надо сказать, что местные индейские племена на дух не переносили испаноязычных колонистов. Оно и неудивительно, поскольку именно испанские миссионеры-францисканцы прогнали индейцев с родовых земель в горы, уничтожая и безжалостно расстреливая их с безопасного расстояния из ружей и пистолетов. С тех пор минуло почти полтора века, и коренные американцы, возможно, позабыли бы старые обиды, кабы дети Христовы не достали аборигенов до самых печенок обращениями в католичество. Бывало, отлучатся индейские женщины в лес по ягоды, да и пропадут на неделю-две. А возвращаются с крестиками на шеях. Черт знает, что делать с такой женщиной порядочному индейскому мужчине. То ли сплясать танец с бубнами, чтобы отвадить Белого Бога, то ли отнести повыше в горы, снять скальп и оставить на съедение койотам.

По природе своей калифорнийские индейцы не были свирепыми воинами. Земля сама в изобилии снабжала их всем необходимым, а непролазная горная система Сьерра-Невада надежно защищала от воинственных соседей. Воевать с другими племенами за плодородные земли или охотничьи угодья им приходилось совсем не часто. Настоящие боевые стычки были редкостью, и в борьбе с колонистами индейцы прибегали к тактике мелкого фола: новоявленных соседей брали не силой, а измором. Как только неподалеку объявлялся фермер из мексиканцев или испанцев, индейцы начинали в меру сил вредить бедолаге: воровали скот, сжигали урожай, уничтожали постройки. В итоге несчастный убирался восвояси, статус-кво на время восстанавливался, и до прибытия очередного неудачника жизнь текла размеренно и спокойно.

К белым же индейцы хоть и не питали пылкой любви, но и не вредили, если те не покушались на их территорию. Саттер использовал ненависть индейцев к мексиканцам с максимальной выгодой для себя. Он не просто наладил с ними мирное сосуществование, но каким-то непостижимым образом заставил работать на своих землях и предприятиях. Индейцы неожиданно стали преуспевать в освоении новых ремесел, а наиболее толковые даже обрели навыки строительства. Незаметно, исподволь индейцы Саттера влились в экономику цивилизованной Калифорнии, а Саттер за какие-то три года стал богатейшим землевладельцем и влиятельнейшим человеком всего севера и центра. Тысячи голов лошадей и рогатого скота паслись на его пастбищах. Сотни тысяч фунтов зерна отправлялись с его полей в Мексику и на север конти-

нента. Перехватив поставки продовольствия на Аляску, он косвенно поспособствовал краху Российскоамериканской компании, и в результате получил контроль не только над поставками зерна, но и добычей и экспортом пушнины. А заодно приобрел передовой пост России в Северной Америке – Форт-Росс. Прекрасная крепость со всем вооружением и утварью досталась проходимцу за тридцать тысяч долларов, которые он должен был выплатить зерном в течение пяти лет, да так и не выплатил.

Памятуя, что в молодости Саттер служил в германских вооруженных силах и дослужился до звания капитана артиллерии, генерал Мичельторена, сместивший к тому времени губернатора Альворадо, пожаловал ему чин капитана мексиканской армии и поручил создать вооруженный отряд самообороны, способный дать отпор мятежникам в случае возникновения беспорядков. Мичельторена понимал, как переменчиво сердце Калифорнии, что, впрочем, ему не помогло: вскоре его сместил генерал Кастро.

Вообще, в сороковых годах в политической жизни Калифорнии царил такой ералаш, что сам черт не разобрал бы, кто в какой момент времени возглавляет эту огромную территорию, а главное, какими силами удерживает ее в подчинении. Один за другим авантюристы всех мастей свергали друг друга и объявляли себя губернаторами, наместниками, диктаторами; арестовывали предшественников, сажали их под замок или высылали вон из штата; переносили столицу из Монтерейя в Лос-Анжелес, из Лос-Анжелеса в Санта-Барбару, оттуда в Сан-Диего и обратно в Монтерей; признавали протекторат Мексики или Франции, САСШ или Великобритании; отменяли протекторат и объявляли Калифорнию свободной республикой.

Джон Саттер использовал политиков и их бестолковые игры в своих интересах с эффективностью, которой позавидовал бы самый изобретательный прохиндей. Каждый мятежник хотел заручиться его поддержкой, каждый искал его дружбы. Хитроумный Джон никому не отказывал в помощи деньгами, людьми или оружием и в итоге всегда оказывался на стороне победителя, которому впоследствии предъявлял счет для компенсации своих затрат на его победу. Денег у победителей не было, и они с удовольствием отписывали благодетелю все новые и новые земли.

Политическая ситуация более или менее стабилизировалась летом тысяча восемьсот сорок шестого года, когда американские войска при поддержке флота окончательно подавили мятеж мексиканских фермеров и разогнали по медвежьим углам всех мелких претендентов на власть. Джону Саттеру было поставлено на вид его неподобающее поведение, заключавшееся в оказании помощи разнокалиберным авантюристам. Это был первый тревожный звонок для Императора, но он его не услышал.

С того момента фактическим губернатором Калифорнии стал лейтенант-полковник американской армии Джон Фремонт, и не нужно обладать семью пядями во лбу, чтобы сообразить, на чью чашу весов склонилась удача в борьбе за западное побережье Североамериканского континента. Однако говорить о полной победе САСШ было рано. Как ни крути, мексиканцев в Калифорнии было больше, и они не хотели оставаться под властью гринго. При любой возможности они выступали на стороне соотечественников и создавали постоянную угрозу протекторату САСШ. Кроме того, они люто ненавидели понаехавших белых иммигрантов, тянувших Калифорнию под звездно-полосатый флаг.

А Джон Саттер шаг за шагом приближался к воплощению своей мечты – он строил сельскохозяйственную империю. Он верил в бога, в себя и в блестящее будущее Калифорнии.

– Сейчас у него, по меньшей мере, сто тысяч акров, мистер.

– И что же, работают на него только индейцы?

– Отчего же. И белые, и желтые, и красные – все вкалывают бок о бок. Собственно, и первое золото нашли в его владениях.

– Колома! Слыхали про такое местечко?

– М-м-м... Нет, впервые слышу.

– Это на Американ-Ривер. У Саттера там что-то вроде штаба – Форт-Саттер, или Новая Гельвеция. Дурацкое слово какое-то, тьфу...

– Отсюда далеко?

– От Сан-Франциско? Сто миль без малого.

– Эка занесло его!

– Как сказать, мистер. Центр там, где Саттер. Мы все вокруг него крутимся. Да и сказать по чести, мистер, дерево в горах лучше здешнего.

– При чем тут дерево?

– Сразу видать новичка. Не обижайтесь, мистер, я объясню. Наша сосна не годится для строительства. Стол соорудить или, скажем, скамейку – это можно. А для капитального строения, особенно промышленного – для мельницы или скотобойни – требуется дуб. Секвойя, конечно, фору даст любому дубу, но тут ее опять же немного. Да и дорогая она, чтоб на стены пускать! Потому Саттер и забрался в горы. У него там лесопилка. Валит лес, а потом сплавляет сюда.

– По реке?

– Именно. Форт-Саттер стоит аккурат на слиянии Американ-Ривер и Сакраменто. А сын его, Саттермладший, сейчас строит городок Сакраменто. Там ведь центр золотодобычи! С пониманием место выбрал.

– Так что с золотом?

– А что с золотом... С золотом все просто.

Двадцать четвертого января тысяча восемьсот сорок восьмого года плотник Джеймс Маршалл, работавший на строительстве лесопилки неподалеку от Новой Гельвеции, нашел на деревянном колесе водяной мельницы кусочек желтого металла. Сообразительность и предприимчивость не числились в списке его достоинств, однако он догадался, что находка сулит барыши в виде премии от хозяина, потому отнес ее боссу.

В то время сорокапятилетний Император Калифорнии Джон Саттер был крепким здоровым мужчиной. Могучий лоб, умные серые глаза, длинный прямой нос с горбинкой и надменный взгляд намекали на его аристократическое европейское происхождение, а викторианские усы и борода придавали сходство с легендарными мушкетерами Александра Дюма.

Саттер вооружился лупой и несколько минут изучал находку Маршалла. Джон был явно растерян, даже его острый нос выдавал признаки беспокойства. Он достал из шкапа реактивы и быстро провел химический анализ. Сомнений не осталось: в его ладони лежало золото.

Вот так сюрприз.

Джон Саттер не любил сюрпризы, его немецкая натура не терпела нарушения планов. Золото – это хорошо, даже прекрасно, если оно лежит в сундуке, а сундук надежно скрыт от посторонних глаз. А вот золото в реке – это вовсе не так хорошо, как может показаться на первый взгляд.

Во-первых, в случае огласки рабочие просто разбегутся по лесам и горам искать золото. Любой нищевод, бездельник и разгильдяй сможет заработать десять долларов за четыре часа. Двадцать долларов за день – ни больше, ни меньше, месячный заработок Джеймса Маршалла! Не надо целый день трудиться в поле, не надо горбатиться на стройке, сиди себе, промывая речной песок, отделяй зерна от плевел...

Во-вторых, земля Саттеру не принадлежит! Она арендована у местных индейцев за три рубахи и две нитки бисера в год. Но как только дело дойдет до золотой ренты, индейцы примут ставки, и речь пойдет уже не о бисере. Что это значит? Значит, землю надо выкупить, но на это требуется время, а индейские вожди соображают и действуют куда быстрее, чем калифорнийская бюрократия.

Саттер взял два стакана, плеснул в них виски и один подал плотнику. Император старался напустить на себя обычную надменность, но тревога крепко засела в уголках его арийского

рта, и даже усы не могли скрыть эту тревогу от Джеймса Маршалла, у которого появились свои соображения насчет золота. Маршалл уже видел себя хозяином прииска, богатым и уважаемым гражданином республики.

Императору требовалось время, чтобы как следует поразмыслить, предусмотреть последствия огласки и, в конце концов, извлечь выгоду из нового положения. Он убедил плотника, что в их общих интересах до определенной поры сохранять находку в тайне, и тот дал слово молчать.

Маршалл держался, как мог: уволился с работы, оборвал все прежние связи и превратился в насупленного нелюдима. Он ждал сигнала от босса, чтобы в законном порядке застолбить за собой прииск и жить припеваючи на золотую ренту, а в грязи пусть ковыряются другие. Но Саттер молчал, и Маршалл начал время от времени тайком наведываться в безлюдные места, выше по течению Американ-Ривер. Там он просеивал речную породу, вылавливал золотые крупинки и за две недели заполнил ими большой кожаный кисет. Черный мешочек стал ощутимо тяжелым, а его содержимое приятно пересыпалось внутри, когда Маршалл благоговейно перекладывал кисет из ладони в ладонь.

– Да только золото не булькает, сэр, и брюхо им не набьешь. Короче, в начале марта Маршалл слинял от Саттера. Пришел в Сан-Франциско со своим кисетом, а по дороге заглянул в лавку Сэма Бреннона. Слыхали о нем, мистер?

– Да, что-то слышал. Он вроде здорово разбогател на золоте...

– На золоте! Аха-ха, держите меня семеро! На тазах и лопатах он разбогател! Этот Маршал-то, дурень деревенский, вернулся в город, а что дальше делать, не знал. Решил посоветоваться с Бренноном, его лавка была первой в городе, если идти вниз по реке. Тот как увидел кисет, так и сел на мягкое место. Взвесили содержимое, оказалось, шесть унций с лишним! Это уж Бреннон после рассказывал. Сошлись они с Маршаллом на пятидесяти долларах за все. Сэм отправил нашего дурака в Монтерей оформлять патент на золотой прииск, а тот и поперся! Бреннон времени терять не стал понапрасну, смотался к лесопилке, сам все проверил. А там рабочие уж всю землю роют. Сэм вернулся в город и...

– Стой! Стой, дай я расскажу! Тут надо понимать, мистер, что лавка Бреннона стоит аккуратно на выезде из города в сторону Сакраменто. То есть, если кто задумает бежать в горы за удачей, тот мимо не проскочит. И вот, значит, в мае...

Маленький городок, только что отпраздновавший рождение своего тысячного жителя, совсем недавно назывался по-мексикански – Эрба Буэна. С приходом американского губернатора было решено подобрать ему американское название. Компромисс нашли быстро, и город стал Сан-Франциско – в честь Святого Ордена, который его основал.

Ранним майским утром, когда солнце еще не встало, ночная роса покрывала траву и ветви деревьев, а прозрачный воздух был особенно свеж и сладок, в бодрящих рассветных сумерках на центральной улице появился молодой человек лет тридцати. Его безусое лицо обрамляла аккуратная мормонская бородка, переходившая к вискам в лохматые баки, глаза светились надеждой, и даже уши, казалось, излучали оптимизм. В руках он сжимал небольшой прозрачный сосуд, более всего напоминавший колбу для химических реактивов.

Сэм Бреннон постоял минуту, глядя в голубое небо и шевеля губами, потом резко выдохнул и сделал первый решительный шаг. Пройдя несколько ярдов, он громко выкрикнул: «Золото! Золото с АмериканРивер!» – и выставил перед собой колбу, как Персей – голову Медузы Горгоны. Колба на две трети была наполнена золотыми крупинками, любовно собранными Джеймсом Уилсоном Маршаллом и проданными им же накануне Сэмюэлю Бреннону за пятьдесят долларов наличными.

Горожане подходили к Сэму, с удивлением тарасились на золото, а тот подробно рассказывал, где именно и каким образом было намыто содержимое колбы. Однако верить вот так

сходу в золотую сказку дураков не было. Качали головами, стыдили рассказчика и расходились по делам, но лица были задумчивы, а в глазах их как будто появился тусклый желтоватый свет.

К вечеру следующего дня Сан-Франциско превратился в город-призрак. В нем не осталось ни одного жителя, способного держать в руках лопату.

Еще через неделю обезлюдел Монтерей, за ним – Лос-Анджелес, Сан-Диего и Санта-Барбара. Тысячи мужчин и женщин бросили семьи и хозяйство и устремились навстречу золотой мечте.

– А что же Бреннон? Для чего ему понадобился трюк с колбой?

– Каналья накануне скупил в городе и окрестных поселениях все лопаты, кирки, тазы – короче, все, что могло пригодиться старателям. Я, помнится, чуть не убил гаденыша, когда он предложил мне двадцатицентовый тазик за двадцать долларов! Сейчас-то смешно вспомнить, а тогда... Ой-хохо! Меня жена из дому выгнала: иди, говорит, кретин несчастный, копай золото. Я было за лопатой в сарай, а она, мол, оставь: у Сэма купишь по дороге. И вот, топчусь я у его лавки, вокруг еще две дюжины человек, а среди наших уже и чужаки трутся – пронюхали, видать! И все расхватывают инструмент за баснословные деньги. Я лично купил у прохвоста лопату, кирку и таз за пятьдесят долларов, а! Каково, я вас спрашиваю!

– Что с ним теперь?

– С Бренноном? Процветает. Поговаривали, что в мае только на лопатах он заработал около сорока тысяч долларов. Сейчас строит дома, завел контору по скупке золота. Честно дает десять долларов за унцию.

– Дешево...

– А кому дороже продашь? Разве только в Монтерей везти, так туда еще добратсья надо. Мы ведь с гор спускаемся одичавшими, мистер. И выпить хочется, и закусить, и с девочками покувыркаться. Хочешь, не хочешь – а десяток унций сходу отсыплешь Бреннону.

– Любопытная история. Ну а в целом что тут происходит?

– Раздуваемся, как мыльный пузырь. Лавка Бреннона, что стояла на отшибе, теперь, считай, в центре города. Растем, того гляди лопнем!

Не лопнули. У калифорнийцев оказалось достаточно времени, чтобы снять золотые сливки и либо пустить их в дело, либо бездарно промотать по кабакам и борделям. По-настоящему Америка, а с ней и весь мир, заволновались только к Рождеству. В декабре тысяча восемьсот сорок восьмого года одиннадцатый президент САСШ Джеймс Полк официально объявил в Конгрессе, что слухи не преувеличены: в Калифорнии действительно золото лежит под ногами. Форы в пять месяцев калифорнийцам как раз хватило, чтобы собрать практически все золото, лежавшее на поверхности в руслах Американ-Ривер и Сакраменто.

Но уже загудел встревоженный улей. Газетчики роем пчел налетели на горячие головы возбужденных сограждан: золото!

Золото!

Золото!!!

В Калифорнии золото лежит под ногами!

Мальчишка-газетчик:

– В Калифорнии золото лежит под ногами!

– А ну стой, малец! Дай-ка...

– Два цента, мистер!

– Держи... Так, хм... Вчера в Конгрессе президент Полк... так... наши чиновники подтверждают: золото лежит под ногами.

Шепот в домах:

– Так и сказал: лежит под ногами!

– Ишь ты... под ногами... Черт его знает... Горбатишься тут, света белого не видишь, а там золото под ногами...

Беспокоятся серьезные бизнесмены:

– Мистер Донован, совет директоров решил доверить открытие филиала нашего банка в Калифорнии именно вам.

– Да, сэр, но...

– Никаких но! Такой шанс выпадает раз в жизни. Впрочем, если вы...

– Нет, сэр! Нет! Я готов.

Скандалы в благородных семействах:

– Что сидишь-то? Сидит... Добрые люди уж в порту, на корабли грузятся, а он сидит пень пнем!

– А тебе лишь бы сбагрить меня, да? Ах ты, сука блудливая!

– А если врут все, а если нет никакого золота?

Да и черт бы с ним. Калифорния и раньше слыла райским уголком, какого больше нет во всей Северной Америке. Слухи о плодородной земле с бескрайними полями и сочными пастбищами, свободной от Союзного правительства с его налогами, без лихих дельцов, обирающих честных тружеников, давно волновали жителей засушливой Невады и неурожайной Юты, гористого Айдахо и безводного Вайоминга. В особо бедные годы, грозившие гибелью, люди с надеждой смотрели на запад: вот он, Орегон, рукой подать! А там Форт-Бойс, еще триста миль и – Калифорния. И новая вольная жизнь! Давно бы уж... Да ведь дороги-то нет. Два пути, и оба гибельные: по морю и через горы.

Морской путь, конечно, легче и безопаснее, зато тянется полгода! Узкая полоска земли – Панамский перешеек – соединяет Америку Южную и Америку Северную. Несчастные шестьдесят миль суши – как кость в горле. Не перепрыгнешь, не перелетишь. Приходится огибать весь Южный Континент, через неведомые теплые моря, через холодный мыс Горн.

Долгим выходит путешествие.

Ох и страшно, ох и скучно!

Пища давно протухла, вода прогнила. Пассажиры маются желудками, страдают морской болезнью; мрут от лихорадки и скоротечных тропических хворей. Покойников отпевают на скорую руку, заматывают в парусину, и в море – ни могилки, ни креста – поминай как звали.

Через пару лет найдутся смельчаки, проложат путь через дикие панамские джунгли и выйдут на западный берег Панамского перешейка. Выйти-то выйдут, а дальше как? А дальше никак: только ждать проходящие корабли, с тоской смотреть на исчезающие в морской дымке белые паруса и проклинать свою смелость. Корабли в Панаму заходят перегруженными сверх всякой меры. В каютах по три пассажира на койку, трюмы забиты товаром – нет мест, леди и джентльмены! Мест нет!

Дорогое путешествие, не всякому по карману – тысячу долларов отдай и не грехи. Плывут в Калифорнию отчаявшиеся мелкие лавочники с женами и детьми. Плывут клерки крупных торговых компаний на разведку: что за страна такая? Банки и финансовые синдикаты посылают доверенных лиц: откройте-ка филиал, голубчик.

И хочется плыть, и боязно.

В Калифорнии, между прочим, стреляют; над губернаторской резиденцией развивается белый флаг с рыжим медведем гризли и красной звездой. В Калифорнии враждебные мексиканцы и лютые на расправу индейцы. Как подумаешь, дрожь пробирает. Никому никаких гарантий!

– Что-то не пойму: ведь губернатор тамошний – американец! При чем тут медведь со звездой?

– Губернатор – американец, а вот народец местный – совсем не американцы. Черт знает что, а не народец!

– Да бросьте. Я встречался с индейцами, это абсолютно цивилизованные люди!

– Все мы цивилизованные, пока скальп не сняли!

Режет килем синие воды быстроходная шхуна. Скорость восемь узлов, лови парусами попутный ветер! А в каютах и кубриках только и разговоров про золото под ногами. Приходят корабли в порт Сан-Франциско, приходят в порт Монтерей и навеки швартуются у золотоносного берега.

«Изабелле» не суждено было покинуть бухту Золотых Ворот. Лейтенант Смит сдержал слово: пассажиров действительно перевезли на берег, однако почти весь их багаж остался на судне. В лодки брали только ручную кладь, основную же часть пожитков пришлось доверить капитану Брану и его команде. Трое мужчин из числа пассажиров по вполне понятным причинам отказались покидать шхуну, а точнее, свое добро, и выразили готовность дожидаться окончания ремонта и проследовать на корабле в Монтерей.

Утром следующего дня лейтенант Смит, к своему неудовольствию, обнаружил «Изабеллу» плотно сидящей на мели и не подававшей признаков жизни. Его настроение испортилось еще больше, когда наблюдатель доложил, что, сколько он ни рассматривал шхуну в береговой телескоп, на борту не видно ни души.

Лейтенант посадил на весла десяток солдат и отправился в разведку. Прибыв на место кораблекрушения, экспедиция обнаружила на борту капитана и троицу вчерашних пассажиров, не пожелавших перебраться на берег вместе с попутчиками. Все четверо были связаны надежными морскими узлами и намертво принайтованы шкертами к грот-мачте. Таинственным образом с корабля исчезла вся команда во главе со шкипером, две шлюпки и наиболее ценные вещи из багажа. Кроме того, мародеры пощипали груз, предназначенный преимущественно торговым компаниям Сэма Бреннона.

Бартл Бран развеял туман, дав исчерпывающие показания. Ночью верзила Брамсель поднял бунт. Он объявил себя капитаном, и, как оказалось, семнадцать человек из двадцати одного вместе с Брамселем шли в Сан-Франциско без намерения возвращаться обратно. Четверо матросов, верных долгу, оценив соотношение сил, перешли на сторону бунтовщиков. Мерзавцы мгновенно связали капитана и троих пассажиров, спустили на воду две шлюпки, погрузили в них достаточное количество провизии и алкоголя и с божьей помощью отплыли к вождленному берегу.

При скверных человеческих качествах бывший шкипер был хорошим мореходом. С рассветом капитан Брамсель увидел очертания Птичьего острова, а к полудню его команда высадилась на пустынный мыс Пойнт Сан-Пабло. Пополнив запасы пресной воды, мятежные матросы отправились на поиски устья Сакраменто. Говорят, три дня спустя шлюпку с надписью «Изабелла» видели в районе острова Гризли, после чего след экипажа окончательно затерялся.

Вторая шлюпка, шедшая следом за первой, оказалась не столь удачлива. Бакштов, которым лодки были наспех привязаны друг к другу, не сдюжил и развязался. В суматохе этого никто не заметил, а когда обнаружили потерю связи с флагманом, было поздно, ведущая шлюпка безнадежно затерялась в непроглядной ночи. Утратив всякие ориентиры, команда налегла на весла: медлить было нельзя, до утра беглецам требовалось непременно скрыться из бухты. Гребцы своими стараниями развили изрядный ход, и за час до рассвета шлюпка на полном ходу налетела на камни близ острова Ангела. Днем бывалые морячки легко выбрались бы на берег в сотне ярдов от них, но в черную безглазую ночь, как понять, где он? Как в крошечной тьме разглядеть свое спасение? Море не знает пощады к тем, кто попал в его черные злые объятия. Хватают высокие волны людей и безжалостно бьют о подводные черные скалы, и ночь укрывает заблудшие души, как укрывает вдова зеркала черным крепом в доме, в который уже никогда не вернется моряк.

Лейтенанту Смигу понадобились сутки, чтобы перевезти на берег груз с «Изабеллы». Имууществу была дана тщательнейшая ревизия, после которой оно имущество было немедленно определено, как собственность правительства Калифорнии. Прижимистых пассажиров подробнее допросили и отпустили на все четыре стороны. Рыжего капитана тоже тщательно

допросили, записали показания, и поскольку в любом происшествии должен быть назначен виновный, повесили на рее военного фрегата, служившего с недавних пор городской тюрьмой. Остаток дня рыжий капитан покачивался на ветру и напоминал заключенным, что их судьба, в сущности, не так дурна, как им казалось еще утром.

Тем же вечером в трюм «Изабеллы» заложили приличный заряд артиллерийского пороха, и обломки славной шхуны смешались с прибрежным мусором бухты Сан-Франциско.

Фарватер свободен, добро пожаловать в Калифорнию, господа!

Не нужно повторять дважды. Никогда еще иммигранты не заставляли себя ждать, тем более что для отважных, но не имеющих достаточно денег, был еще один путь – через бескрайние Великие Равнины, где сотни лет безраздельно властвуют жестокие команчи, не знающие жалости к белым людям.

Берегите скальпы, леди и джентльмены!
О, Сюзанна, любимая, полно: не плачь обо мне,
Не страшны мне команчи, не возьмет меня никакая зараза!
Я иду в Калифорнию и в подсумке надежду несущу на ремне.
И прикрыта спина от стрелы промывочным тазом!

Орегонскую тропу переселенцы проложили еще в начале века, а с середины тридцатых годов по ней потянулись на запад целые караваны фермерских фургонов. Покуда есть вода и пища, покуда не сбиты ноги в кровь, пока не изранены руки острыми скалами, бодро шагают пионеры по Великим Равнинам, и банджо бренчит у костра на привале:

О, помнишь ли ты милую Бетти де Пайк?
Мы прошли через горы, я и ее любовник Айк.
С упряжкой быков и большой желтой собакой,
С большим петухом из Шанхая и с пестрой свиньей.

Хороший штат Орегон, вот только индейцы недружелюбные. Оно и понятно, откуда взяться дружелюбию, если горы кругом? Доброй земли мало, фермеров много, а индейцев и того больше: банноки, чинуки, кламаты, модоки, неперсе... Это, знаете ли, не миролюбивые мивоки, эти подрались любят. Тысячи лет они враждовали друг с другом, оттачивая боевые навыки. Неприязнь между индейцами была так велика, что первые колонисты им сначала даже понравились. Но белых становилось все больше, они забирали лучшие земли, а индейцев прогоняли все дальше и выше в бесплодные горы.

В конце концов, индейцев окончательно загнали в резервации, что немало способствовало просветлению разума индейских вождей, которые наконец осознали, кто им друг, а кто враг. Но даже в резервациях не было убежища от новых хозяев Орегона. То фермерские стада вытопчут индейские посевы, то фермерские свиньи пожрут луковицы камаса... Настоящая война между индейцами и белыми вспыхнет в Орегоне только через двадцать лет, но и сейчас обстановка беспокойная. Получить стрелу в спину – это пара пустяков, а там и без скальпа останешься. В общем, белому в Орегон лучше не соваться, потому что свободной земли нет, а краснокожие совсем озверели: сколько мирных фермеров перебили за последние десять лет – не сосчитать. А скольких индейцев перебили мирные фермеры, про то лучше и не заговаривать. Нехорошая статистика получится. И уж если был ты настолько неразумен, что сорвался со всем хозяйством и семейством покорять западные просторы, то в Орегон не заходи, а как пересечешь Айдахо, остановись передохнуть в Форт-Бойс; там соберись с силами – и снова в путь: поворачивай налево, держи курс на юго-запад. Так и попадешь в Калифорнию, если, конечно, выживешь.

Не все дойдут, не все... Да что мы снова про индейцев! Какие индейцы на кордильерских вершинах? Индейцы любят сочные поля, обильные рыбой озера и густые, полные дичи леса – там и живут, пока белые не пришли, а в горах индейцев нет.

В горах голые камни, вечный снег и ледяной ветер. В горах за перевалом – пропасть, а за пропастью – перевал. В горах шумят холодные реки на перекатах – не перебраться – ни бревна, ни жердочки. Ищи брод, форсируй бурный поток по горло в ледяной воде, переправляй семью со скарбом, помогай товарищам. А перебрался, надо бы одежду просушить, да не на чем – топлива для костра не найдешь. Голые скалы кругом – ни дерева, ни кустика, ни травинки. Подхватил простуду – пиши пропало. Ногу подвернул – считай, половину шансов потерял. Перелом – верная смерть.

Зато рядом ворчит огромный рыжий медведь гризли. Идет по пятам за людским караваном. Бродит кругами вокруг лагеря, ночью подходит совсем близко. На прошлой неделе, еще в долине, лошадь задрал и с тех пор увязался следом. Вчера ночью склад с провизией разорил, а сегодня, того гляди, твои кишки на когти наматывает. Когти у него длиннее ножей, крепче стали. Клыки такие, что впору камни разгрызать. Страшный хищник, нет в горах от него спасения. Пуля его не берет, в шерсти застревает. С ножом на эдакую громадину и вовсе не выгорит, махнет лапой и копай могилу. Можно, конечно, с рогатиной, если ростом и силушкой бог не обидел, да где ее взять, ту рогатину?

Держись, пионер. Трудный путь, смертельный риск, вся дорога уставлена могильными крестами. Но ведь и награда того стоит: ждут тебя в Калифорнии молочные реки, кисельные берега и золото под ногами.

Кто дошел да золотишком разжился, пьет виски в салуне.

– Ну, а вы, мистер, по каким делам в Калифорнию? На старателя не похожи.

– У вас глаз наметан, джентльмены, ничего не утаишь. Я работаю на президента САСШ и нахожусь здесь по его поручению.

– Поручение, конечно, сверхважное и секретное?

– Нет, джентльмены, никаких секретов. Мы действуем открыто. Моя миссия заключается в наблюдении и своевременном информировании президента. У вас тут преинтереснейшие дела творятся, мы должны держать руку на пульсе.

Безусый крепыш лет тридцати, по виду типичный фермер, придвинулся по скамье поближе к Чарльзу Милвертону и шепнул ему на ухо, обдав свежим запахом хорошего виски:

– Когда, мистер?

– Что именно, мистер? – так же интимно шепнул советник.

– Когда мы станем штатом САСШ? Признаться, желтопузые и краснозлые нам до смерти надоели своим нытьем. Нам нужен порядок, мистер!

Хитро усмехнувшись, советник посмотрел в глаза собеседнику, демонстративно отодвинулся и громко произнес:

– Не имею понятия, о чем вы, мистер!

– Значит скоро... – удовлетворенно протянул тот и, помолчав, внезапно сменил тему. – Так вы на шхуне прибыли?

– Я уже говорил, мистер. На шхуне.

– Про Черного дьявола, стало быть, не слыхали?

– Сегодня узнал о его существовании от этого джентльмена, – серьезно ответил Милвертон, указав на «святошу», спавшего в углу. – Вы полагаете, в его словах была толика истины?

– Как вам сказать... Говорят, его видели еще по ту сторону гор. Черный, огромный, в два человеческих роста, из глаз – искры, земля под ногами дрожит...

– Откуда такие подробности?

Собеседник Милвертона задумчиво повертел в руках стакан, как бы размышляя, стоит ли отвечать, а если стоит, то насколько откровенно, потом откинулся на спинку стула, приложился к стакану и твердо сказал:

– Я сам его видел.

Глава IV

Муниципальные выборы в Сакраменто оказались под угрозой срыва по причине непрекращающегося неконтролируемого перемещения избирателей. Каждый день в город приходили, приезжали верхом и приплывали по воде десятки новых жителей, и примерно столько же покидали его пределы, уходя на восток вверх по течению Американ-Ривер или на север вверх по течению Сакраменто.

Устав гоняться за неразумными согражданами и призывать их к выполнению гражданского долга, городской шериф Джеймс Хопкинс посоветовался с мэром, взял подписные листы и с тремя помощниками прошелся по домам разбежавшегося электората. За день им удалось собрать количество подписей, достаточное, чтобы наблюдатель от Конгресса сенатор Киберг – въедливый хмырь, длинный, как оглобля, и лысый, как булыжник – признал выборы состоявшимися и убрался с глаз долой в Монтерей.

Не успел шериф утереть пот со лба, как долг службы в лице посыльного от Джона Саттера позвал его к черту на кулички: какие-то мерзавцы снова воровали императорских быков.

Выпроводив посыльного, шериф яростно швырнул в стену боевой топор мивокков, подаренный ему лет пять назад индейским старейшиной в благодарность за то, что Хопкинс вернул индейцам украденный скот. Топор вонзился в стену, а Хопкинс рухнул в кресло, испытывая непреодолимое желание плюнуть на все и отправиться в горы мыть золото. Впрочем, это желание посещало Хопкинса всякий раз, когда его – муниципального служащего на муниципальной зарплате – заставлял работать на себя крупнейший налогоплательщик Калифорнии Джон Саттер. И самое противное, что при каждой встрече этот нувориш пускался в пространные и высокомерные рассуждения о долге Хопкинса перед обществом в целом и перед Джоном Саттером лично.

Какого дьявола, в конце концов!

Вот, например, шурин. Взял сына и пропал на полгода. А вернулся – кум королю. Съездил в Монтерей, продал добычу и вложился в недвижимость. Отстроил сначала ночлежку для старателей, потом гостиницу, а теперь сам Джеймс ходит в его салун, платит за виски. Все-таки скотина Фрэнк, подумал Хопкинс, очередной раз недобро помянув шурина, мог бы за выпивку деньги не брать, родня как-никак...

Джеймс Хопкинс не производил впечатления типичного шерифа Дикого Запада. Был он худ, невысок и вообще слегка несуразен. Казалось, его руки и ноги живут отдельно от хозяина своей жизнью и по собственному разумению. Одежда сидела на его нескладной фигуре кривовато, походка была нетвердой, шаркающей. Он быстро сбивал обувь и был самым частым посетителем у сапожника Гарри Тер-Григоряна. Вытянутый бугристый череп, торчащие уши, сливовидный нос, маленькие глубоко посаженные глазки под нависающими надбровными дугами, впалые щеки и скошенный подбородок – не красавец, что уж там. Хопкинс даже усы не мог отпустить, потому что они росли глупыми разноцветными кустиками и топорщились во все стороны.

Был он единственным сыном дровосека Джереми Хопкинса и уже в пять лет махал топором, как заправский мастер, обрубая ветви с поваленных стволов, а в десять работал на равных с отцом, орудуя с ним в паре двуручной пилой. От непосильной монотонной работы его руки постоянно ныли, а ноги затекали до полной потери чувствительности, но Джереми Хопкинс регулярно напоминал сыну толстым кожаным ремнем, что зад чувствительности не теряет. И Джеймс приучил себя каждую свободную минуту давать отдых зудящим мышцам. Вот потому-то его руки во время ходьбы болтались, как неприкаянные, а ноги то заплетались, то разлетались, как он сам любил приговаривать.

Когда Джереми Хопкинс отправился к праотцам, Хопкинс-младший поклялся на его могиле, что никогда больше не возьмет в руки пилу по собственной воле, и отправился в Монтерей заниматься помощником шерифа.

С тех пор прошло почти десять лет. Последние три года Хопкинс исправно нес службу в Сакраменто: ловил жуликов, промышлявших воровством лошадей и скота, разрешал мелкие споры горожан, улаживал конфликты между индейцами и фермерами. Он был отличным бойцом, а если в его руках был любимый топор, то в рукопашной схватке становился совершенно непобедим. И сейчас, сидя в кресле и проклиная Саттера с его быками, он знал, что никогда не уйдет ни на какие прииски: Хопкинс любил свою работу. Ему нравилось выступать носителем справедливости в спорах между горожанами; нравилось ощущать себя представителем власти. Несмотря на сомнительную внешность, люди уважают, прислушиваются к его мнению даже в простых житейских вопросах, а уж если он выступает с высоты своей должности, то авторитет вовсе непререкаем.

И лишь один недостаток он не мог компенсировать никакими достоинствами: за десять лет беспорочной службы городской шериф Джеймс Хопкинс так и не научился стрелять.

Вынув топор из стены, он просунул его топорием вниз в специальную петлю на ремне сбоку, где обычно носят кобуру, и направился к двери. Внезапно снаружи до него донесся стук копыт, храп загнанной лошади, и знакомый голос прогремел:

– Джеймс! Джеймс Хопкинс!

Он выглянул в окно и увидел своего старого друга – главу службы шерифов Сан-Франциско Филиппа Крамера, который спешил к конюшням и непослушными руками пытался приторочить своего скакуна. Крамер был покрыт толстым слоем дорожной пыли, одежда взмокла, лицо покрылось грязными разводами. Красные глаза и неуверенные движения выдавали смертельную усталость. Джеймс выбежал на крыльцо и воскликнул:

– Фил, дружище! Каким ветром?

Он радушно распахнул объятия. Крамер тяжело вздохнул, они обнялись, причем Крамер почти упал в руки товарища.

– Привет, Джеймс, – прохрипел он. – Рад, что застал тебя на месте.

– Еще минута – и не застал бы, – ответил Хопкинс. – У меня кража скота... Черт подери, что с тобой, Фил? Посмотри на себя: взмылен, как жеребец на финише! Ты что, скакал из самого Сан-Франциско без остановок?

Они прошли в контору, и Крамер рухнул на подставленное кресло.

– Плохи дела, Джеймс... – сказал он уже спокойнее. – Я оставил Сэма дежурить, чтобы никто ничего не увидел и не разболтал раньше времени.

– Какого Сэма?

– Мой помощник. Русский.

– Да-да, помню. И где ты его оставил?

– На месте преступления.

Хопкинс взял стакан, плеснул в него виски, подал Крамеру.

– Слушай, Фил, – сказал он. – Сейчас мне надо спешить. У Саттера снова воруют скот. Я вернусь к вечеру, и...

– Скот воруют? – оживился Крамер, глаза его сузились, рот исказила кривая ухмылка. – Это дело для городского шерифа! Пожалуй, и гвардию надо бы привлечь! А что ты скажешь про пятерых повешенных?

– Повешенных? – переспросил Джеймс.

– Ага, – подтвердил Крамер. – Да не по-человечески за шею, а зверски! На рыболовные крючья!

– Ничего не понимаю, Фил. Не знал бы я тебя два года, решил бы, что ты слегка повредился умом. Какие крючья? Какие, к черту, рыболовы?

– Тьфу, – обозлился не на шутку Крамер. – Как был дровосеком, так и остался. Пень безмозглый.

– Фил! – взмолился Джеймс. – Ты устал и не в состоянии двух слов связать. Отдохни, дружище, а я разберусь с быками Саттера, вернусь и...

– Вчера мы с Сэмом нашли в лесу пятерых повешенных. То есть сначала нашли Вилли Бойла, а потом уже этих.

– погоди, Фил, я чувствую, этак мы запутаемся еще больше. Пока мне ясно одно: у тебя там пять трупов...

– Шесть!

– Ладно, шесть трупов. Они ведь мертвы?

– Мертвее твоего папаша.

– Значит, они никуда не денутся, да? А скот Саттера угоняют прямо сейчас. Если уж так тебе невтерпех, идем со мной. Твоя лошадь сдюжит еще двадцать миль?

– Сдюжит. Я прошел всего тридцать, может быть, тридцать пять. Гнал, конечно...

– Отлично. Давай в седло, по пути все расскажешь.

– Может быть, оружие возьмешь? – съязвил Крамер, глядя на топорик, болтавшийся у Хопкинса на поясе.

– Пистолет в седельной сумке, – терпеливо пояснил Хопкинс. – Да ты же знаешь, стрелок из меня тот еще.

– Ладно, идем, – усмехнулся его собеседник. – Спасем имущество Императора.

Крамер наспех умылся водой из глиняного кувшина, после чего два шерифа запрыгнули в седла и размашистой рысью двинули по центральной улице города на север. Крамер все время крутил головой и приговаривал «Ну и дела...»

Вчера еще Сакраменто с трудом можно было назвать поселком – три барака, пять землянок. Вся промышленность состояла в рубке леса, который большей частью сплавляли вниз по течению в Сан-Франциско.

Теперь же по обеим сторонам русла шло бурное строительство. Городской участок реки и ее окрестности первыми попали в зону интереса старателей. Как только слухи о золоте поползли по округе, рабочие лесопилки побросали работу и споро обшарили дно и берега реки. Когда нагрянула первая волна золотоискателей, в округе не осталось ни одной блестящей крупинки. Золотодобыча сместилась выше по течению, а поселок прочно утвердился, как перевалочный пункт искателей счастья: отсюда уходили на добычу, сюда возвращались с добычей. Ежедневно в Сакраменто прибывали все новые и новые партии переселенцев, которым не хватало места в Сан-Франциско. Девяносто миль преодолевали пешком за неделю, верхом – за два-три дня, а наиболее торопливые и обеспеченные могли совершить водный вояж на небольшом пароходике, курсировавшем между главными городами Калифорнии.

Уже за несколько миль до прибытия Сакраменто оповещал путников о своем приближении: свежий горный ветер, проносясь через новый город, насыщался неповторимым запахом свежеспиленной древесины, смолы и хвои. Новый город встречал ликующим ароматом надежды и свободы! Как только пришелец пересекал городскую черту, на него обрушивалась жизнь невиданная, бурная, в тысячу раз более живая, чем в захолустных городках Миссури и Небраски, Айовы и Миннесоты. Неукротимый водоворот событий немедленно затягивал новичка в свою воронку и уже никогда не отпускал.

– Что скажешь? – спросил Хопкинс, когда друзья миновали последние новостройки Сакраменто и вышли на лесную дорогу, ведущую вверх по течению реки.

– А что тут говорить... – философски пожал плечами Крамер. – У меня то же самое. За пять месяцев на голову свалилось двадцать тысяч иммигрантов. Год назад все знали друг друга в лицо, а сейчас у меня театры, казино, петушинные бои, шлюхи на каждом шагу и по два убийства в день. Слава богу, с мэром нет проблем, позволяет брать помощников на вырост:

у меня их уже трое. Бреннон, лавочник чертов, получил подряд на строительство тюрьмы, а! Что скажешь? Отродясь у нас тюрьмы не было! А пока тюрьмы нет, держу заключенных на двух брошенных фрегатах под охраной республиканской гвардии. Так что для меня удивительного мало.

– Пой, давай медленнее! – крикнул Хопкинс, и они пустили коней шагом. – Тут не больше семи миль пути, успеем. Объясни, наконец, толком: кто кого повесил?

– Три дня тому назад, – начал рассказ Крамер, – ко мне явился некто Карл Ларсен и сообщил, что они с отцом и еще одним приятелем обнаружили труп в пятидесяти милях от Сан-Франциско. Ну, труп и труп, я не ожидал ничего особенного, сам знаешь, что у нас творится. Взял в помощь Сэма Джонсона (его папаша просил брать его на дела посерьезнее) и на следующий день прибыл на место. Оказалось, что убит Вилли Бойл, я его узнал: бедняга работал на кожевенном заводе Джона Саттера. Видимо, отправился за золотом, ну и...

– С кем он уходил, выяснили?

– Пока нет. Я ведь осматривал его только вчера днем. У него были странные порезы на спине. Такие... мнэ... поперечные, по шесть штук с каждой стороны позвоночника дюйма полтора-два.

– Его пытали?

– Похоже на то. Но дослушай до конца. Кроме спины, ему повредили ноги: прокололи кожу под сухожилиями в коленях и под ахиллесовыми жилами, будто хотели подвесить, как говяжью тушу. Он пролежал в лесу не меньше двух недель, поэтому трудно говорить наверняка, но смертельных ран я не заметил. И знаешь, как-то странно, что он умер только от боли, здоровенный парень был... Обыскали место, ничего особенного не нашли – лопаты, мотыги, короче, не стоит внимания.

Они миновали устье Американ-Ривер, где она впадала в Сакраменто, и повернули вдоль русла по дороге на восток.

– Мы похоронили останки, – продолжал свой рассказ Филипп, – и решили идти выше по течению, пока не придем в твой новый Вавилон. Честно говоря, я надеялся кого-нибудь встретить по дороге, порасспросить. А встретил такую жуть, что во сне не приснится. Мы прошли миль десять, когда стало смеркаться. Я решил стать на ночлег, повернул поближе к лесу, и тут нарвался... Зашел за лесную кромку, гляжу между сосен как будто висит чего – мешки или что-то такое. Подошел поближе... А это люди. Но висят не как нормальные висельники с петлями на шеях, а на крюках. Понимаешь?

– Пока нет.

– Убийца намотал на ветки длинные куски шпагата, привязал к ним крючки и на них прицепил наших покойничков! Шесть крюков в спине – по три с каждой стороны – и по два в ногах – под сухожилиями и под ахиллесовыми жилами!

– Как порезы у Вилли Бойла?

– Именно! По состоянию ран Вилли могу предположить, что в них не было крюков. Он обманул своих палачей – умер прежде, чем его подвесили, как свинью. Джеймс, старина, если бы ты это увидел, ей-богу, плюнул бы на Саттера с его быками. Ведь штука еще в чем... Как тебе объяснить... Шпагаты свисают с разных сторон и как бы тянут тело на разрыв. Я ко всему привычен, но такое... Стоял, как громом пораженный, смотрел и почти чувствовал, как мне под кожу загоняют крюк. И эти шпагаты, как гигантская паутина – кажется, вот еще шаг, и угодишь в нее, прилипнешь, запутаешься...

– Ты стал не в меру впечатлительным, Фил, – усмехнулся Хопкинс. – Давай-ка лучше выкладывай подробности. Вещи осмотрел?

– Нет. Не было никаких вещей. Судя по следам, они продвигались к Сакраменто и стали лагерем на ночлег, но вещей не было. Вообще ничего, можешь себе такое представить? Даже грязных подштанников не осталось.

– Много тебе рассказали бы грязные подштанники, – усмехнулся Хопкинс. – Что скажешь про индейцев?

– И ты туда же, – скривился Крамер. – Сэм тоже сразу про индейцев спросил. Знаешь, я сначала было их отмел, но потом подумал вот о чем – это зацепка номер один: пожалуй, соорудить такую виселицу под силу только индейцу. Не могу себе представить, чтобы белый с такой непостижимой ловкостью лазал по соснам. Лес там чистый, внизу стволы совершенно голые, веревки привязаны на высоте футов тридцать, а то и все тридцать пять! Если на секунду предположить, что это убийство с целью ограбления, то украденное барахло никого не заинтересовало бы, кроме краснокожих. Но тогда на кой черт устраивать шоу с повешением? Нет, Джеймс, тут не ограбление...

Внезапно Крамер оживился:

– Слушай, я ведь сразу об этом не подумал и не успел толком рассмотреть, как именно веревки привязаны к ветвям. Когда мы нашли тела, уже темнело, а на рассвете я помчался к тебе. Это надо иметь в виду!

– Хорошо, – ответил Хопкинс. – Что еще? Крючья и веревки успел рассмотреть?

– Да, успел. Ну, крючья как крючья. На форель вполне сгодились бы. Вот, полюбуйся. – Он покопался в седельной сумке, вынул из нее крюк и передал Хопкинсу. – В Сан-Франциско никто таких не делает, это я точно знаю. И вообще, сомневаюсь, что они сделаны в Калифорнии. В Монтерее у меня есть специалист по рыболовным снастям, надо будет с ним поговорить.

– Чувствую, веревки ты оставил на сладкое? – подмигнул Хопкинс.

Крамер хохотнул и ответил:

– Так и есть, дружище! Вот уж что-то, а веревки нам дают верный адрес. Такие прочные и тонкие веревки делают только в одном месте. На Сонома-Лейк есть русское поселение. Когда-то у них были серьезные разногласия с краснокожими, и я оказал им услугу. Можешь не сомневаться, там мы получим исчерпывающие сведения обо всех покупателях веревки. А что шпагаты сплетены русскими, – тут сомнений нет.

– Любопытно, – протянул Хопкинс. – Я думал, все русские ушли после продажи своего Форта.

– Не все, дружище. Там ведь изначально селились те, у кого нелады с властями. Подальше от начальства, знаешь... Когда Саттер купил Форт-Росс, то назад в Россию ушло меньше половины жителей. Да по сути никто не ушел, кроме военных! Остальные собрали пожитки и двинули через горы на восток. Там и осели на берегу озера.

– погоди, если у них проблемы с властями... Ты хочешь сказать, что, по сути, это поселение преступников?

– Джеймс, – поморщился Крамер, – вечно ты, не разобравшись, ставишь клеймо. Они милые гостеприимные люди. Просто у них религиозные разногласия с царем.

– Не понял, – Хопкинс сдвинул брови. – Ты соображаешь, что говоришь? Что такое религиозные разногласия? Их культ несовместим с цивилизованным обществом? Они сатанисты? Или Россия настолько дикая страна, что запрещает молиться, кому как заблагорассудится?

– Джеймс, черт подери, я что тебе, философ? – вспыхнул Филипп. – Я в этом не разбираюсь. Если тебе так интересно, спросишь у их старосты. Вот уж потолкуете всласть, он будет рад получить свободные уши на вечерок. А если невтерпеж, то потолкуй с моим русским помощником, отличные байки травит про русского цезаря. Я в России не был, понятия не имею, кому и как они там молятся, но, честно говоря, с трудом представляю, что население такой огромной территории можно заставить молиться одинаково.

– Ладно, не кипятись, – миролюбиво произнес Хопкинс. – И если мы закончили с твоими висельниками, то давай поторопимся.

Они снова пустили лошадей рысью и уже через десять минут выскочили на лесную поляну, где их поджидало трое всадников. Один из них, заметив приятелей, поскакал им

навстречу. Это был представительный господин в аристократических штанах-галифе для верховой езды и щегольском двубортном сюртуке черного цвета, из-под которого выглядывала белоснежная чесучовая сорочка. На ногах его были сапоги с высокими голенищами, а на голове – шляпа-котелок с тесемкой, протянутой под волевым подбородком. Торс его был опоясан широким кожаным ремнем, на котором висели две кобуры, а в них матово блестели рукояти двух новейших пистолетов «Драгун». Взору защитников закона явился сам Император Калифорнии Джон Саттер собственной персоной. Он царственно восседал на великолепном вороном жеребце, держа поводья правой рукой и положив левую на гладкий приклад кремневого ружья, притороченного к дорожному седлу.

Саттер остановился в тридцати ярдах от шерифов, чтобы дать им возможность выказать ему уважение. Хопкинс и Крамер пустили лошадей шагом и степенно приблизились к ожидающему их всаднику.

– Джентльмены! – воскликнул Саттер и коснулся края шляпы в знак приветствия.

– Сэр! – хором ответили джентльмены и отсалютовали двумя пальцами у виска.

– Приветствую вас на моей земле, господа! – важно произнес Саттер. – Хопкинс, я рад, что вы не один! Мистер Крамер, выражаю вам свое почтение и заверяю, что сегодня у вас будет прекрасная возможность восстановить справедливость в этом благословенном краю! Надеюсь, вы умеете стрелять! – И он покосился на топорик Хопкинса.

– Хватит политеса, Джон, – сказал Хопкинс, которого несколько утомили излишества Саттера. – Твой посыльный сказал, что тебя грабят, так давай не будем терять времени.

– Да, мистер Хопкинс! – пылко произнес его собеседник. – Времени потеряно достаточно. Я плачу налоги, из которых вам, джентльмены, платится жалование, и...

– Джон! – рявкнул Хопкинс. – Твоих быков сейчас вырежут подчистую! Веди нас, черт тебя дер! Кто еще с тобой?

Джон Саттер осекся, нахмурился и сделал знак своим спутникам. Когда те приблизились, Император указал на бледного мужчину лет сорока:

– Прошу приветствовать: Питер Барнетт, мой ближайший друг и соратник, член Законодательного собрания Калифорнии.

Питер Барнетт был длинным и сухим, как путь из Вайоминга в Айдахо, впрочем, сутулость несколько скрывала его рост и недостатки сложения. Он неловко сидел на маленькой пегой лошадке и, пользуясь передышкой, вынул ступни из стремян, чтобы дать отдых затекшим коленям. Вялым движением руки он стянул с макушки шляпу хомбург и пригладил светлые выющиеся волосы, чем обнаружил мощные залысины на лбу и большие оттопыренные уши. Тонкие бесцветные губы на гладко выбритом лице изобразили подобие приветственной улыбки, но прозрачные серо-голубые глаза остались бесстрастны, а взгляд из-под нависших бровей был суров и решителен. Барнетт имел вид меланхолика, однако чуть раздувающиеся ноздри на длинном прямом носу выдавали натуру страстную и сложную. Тяжелый подбородок свидетельствовал о твердом и упрямом характере. На нем был светлосерый шерстяной сюртук, жилет с маленькими накладными карманами, такие же серые штаны и рыжие щегольские туфли на высоком каблуке. Из-под ворота светлой льняной рубашки выглядывал черный галстух-платок, завязанный мудреным узлом на шее владельца.

Третьим был уже известный нам посыльный. Пожилой индеец мивоки по имени Керук равнодушно взирал на благородное собрание и ждал развития событий. Этот суровый воин одним своим видом вызывал улыбку: ноги его были обтянуты белыми лосинами, поверх которых он нацепил черные туфли и алые атласные бриджи, а на плечах красовался синий гвардейский мундир нараспашку; длинные черные волосы были прихвачены плетеной цветастой лентой, за поясом торчали старинный пистоль и мексиканское мачете. Индеец явно гордился своим положением.

– Ну что же, вперед, джентльмены! – провозгласил Саттер. – По дороге я вас ознакомлю с обстоятельствами дела.

Всадники пришпорили лошадей и рысью пошли вдоль реки. Первыми шли рядом Хопкинс и Саттер, следом – Крамер и Барнетт. Керук двигался в арьергарде.

– Пятеро, – говорил Джон, наклоняясь поближе к собеседнику. – Керук объезжал стада и застал их на северо-восточном пастбище, там пасется около сотни голов. У них две повозки, значит, смогут увезти не больше десятка туш убитыми. Или же уведут не более сорока живьем. Если станут убивать и свежевать, это займет часов пять, не меньше. Если же поведут живыми, то час уйдет на связку, но потом они будут двигаться очень медленно, в любом случае, мы застанем их на месте преступления.

– Почему стадо не охраняется?

– Пастух сбежал в горы. Мерзавец...

– Почему ты просто не разогнал бандитов со своими людьми? Зачем тебе шерифы?

– В этом предприятии мне нужен представитель власти! Я всегда действую строго по закону! – важно заявил Саттер.

– Ну да... – хмыкнул Хопкинс. – Твои люди видели их раньше?

– Не знаю, – коротко буркнул Саттер, после чего насупился и замолчал; до самого конца путешествия он больше не произнес ни слова.

За час небольшой отряд сделал чуть больше десяти миль и оказался у южного истока Американ-Ривер, в непосредственной близости от озера Фолсом. Здесь располагался один из многочисленных загонов для скота, принадлежащих Джону Саттеру.

В полумиле от пастбища отряд сошел с дороги в лес. Было решено отправить индейца в разведку. Тот спешился и мгновенно исчез в густом кустарнике.

– Полагаете, они выставили дозор? – спросил Крамер, обращаясь ко всем сразу.

– Не думаю, – ответил Саттер, – их слишком мало, а работы много. К тому же пастбище достаточно велико, мы вряд ли сможем подобраться незамеченными, и они это понимают.

– Тогда каков план?

– План таков, – ответил Хопкинс. – Дождемся возвращения нашего разведчика и тогда составим план.

Долго ждать не пришлось. Не прошло и четверти часа, как из придорожных кустов бесшумно вынырнул Керук. Он степенно поклонился Саттеру и доложил:

– Они там. Убили несколько быков и намерены освежевать, пока туши не остыли. Видимо, хотят взять только шкуры. Повозки стоят недалеко от дороги, а люди ближе к загону. Все заняты разделкой добычи.

– Прекрасно, Керук! Спасибо, – одобрительно выступил Саттер.

– Теперь можно обсудить план, – сказал Хопкинс. – Полагаю, трое из нас, а именно Джон, Питер и Керук, зайдут со стороны повозок. Подберитесь поближе и укройтесь прямо за ними. Мы с Филом зайдём со стороны загона. На нашей стороне внезапность, и двоих мы уложим сразу. Остальные либо бросятся бежать к повозкам и попадут к вам в руки, либо окажут сопротивление, и в этом случае мне хотелось бы, чтобы вы были наготове. В первом случае стреляйте на поражение, не жалейте. Если кто-то из бандитов останется в живых, дни его продлятся ровно до той поры, когда он сможет дойти до виселицы. В другом случае... Мы не знаем, как они вооружены, но уж ножи-то у них есть наверняка, и если они ринутся на нас втроем, то без вашей помощи нам несдобровать. Все ясно?

Они привязали лошадей, разобрали оружие из седельных сумок и разошлись в разные стороны.

Собственно загон занимал лишь небольшую часть обширного живописного луга, окруженного с трех сторон густым хвойным лесом, и был построен на западной его окраине, ближе к реке. Такое расположение имело два очевидных преимущества: близкий водопой и хорошо

просматриваемое пространство между загонем и лесом. Луговые травы были основательно выедены и вытоптаны быками, и даже осторожный волк не смог бы подобраться к стаду незамеченным, не говоря о более крупных хищниках вроде медведей. Сейчас преимущество пастухов обернулось против Крамера и Хопкинса.

Саттер и его присные спустились вниз к реке, прошли полмили вдоль русла, вышли к загону прямо напротив грабителей и благополучно укрылись за повозками.

Шерифы скорым шагом пошли в обход, постепенно срезая путь и приближаясь к кромке леса. Они зашли в тыл противнику и, пригнувшись, разошлись в разные стороны, огибая загон с двух сторон. Некоторое время их надежно укрывали быки, разгуливающие по загону и ревущие во всю глотку от голода. Однако по мере приближения к цели законникам было все труднее оставаться незамеченными.

Хопкинс время от времени вставал в полный рост, чтобы увидеть напарника, который двигался параллельно с другой стороны загона. На их счастье, противник был слишком занят, чтобы обращать внимание на происходящее вокруг.

Когда до угла ограды оставалось не более пятидесяти ярдов, Хопкинс понял, что дальше укрываться не получится. Жерди были слишком тонки, чтобы скрыть хотя бы кролика, а скот топтался вдалеке от переднего края. Он остановился, присел на корточки и отцепил от пояса свой знаменитый топор. Взвесил его в руке, мгновение подумал и вытащил из-за пояса пистолет. Подняв глаза, он увидел Крамера слева по другую сторону загона. Филипп, как и Хопкинс, сидел на корточках и смотрел на грабителей.

Пятеро мужчин так увлеклись работой, что не замечали ничего вокруг. Они яростно работали ножами, разделявая туши убитых животных, причем с первого взгляда было видно, что эта работа им внове и они выбиваются из сил.

Хопкинс посмотрел на Крамера. Тот знаком велел двигаться вперед, и Джеймс, привстав, короткими перебежками быстро преодолел расстояние, оставшееся до угла загона. Оттуда он хорошо слышал, как ругаются между собой воры. Один из них, худой и жилистый, с черной щеткой усов под кривым носом и многодневной щетиной на впалых щеках, вдруг встал в полный рост и истерически выкрикнул:

– К черту! К дьяволу! В гробу я видал такие легкие деньги! Я себе все руки изрезал! Хватит! Бросай все, грузим в повозки, продадим и так!

Пока он поносил говяжьи туши и свою нелегкую жизнь, один из его приятелей, здоровенный мексиканец, руки которого были по локоть испачканы бычьей кровью, спокойно встал, поглядел в глаза нервному товарищу и серьезно произнес: «Тссс!» Тот осекся на полуслове, а мексиканец мягко перепрыгнул через убитого быка, обошел крикуна и приблизился к забору, на котором висели какие-то вещи, принадлежавшие по всей видимости, грабителям. Все так же спокойно, без малейших признаков волнения или спешки, мексиканец вынул пистолет из холщовой сумки, после чего обернулся к Хопкинсу, громко проговорил:

– Эй, кто там?! Выходи! – и со значением вытер окровавленный нож о штанину.

Преимущество внезапности было безнадежно утрачено.

Между ворами и шерифом оставалось не больше полусотни ярдов, и продолжать игру в прятки было бессмысленно. Хопкинс встал в полный рост и сделал шаг навстречу. Остальные грабители побросали свои занятия и подошли поближе к жожаку. Картинка была славной: маленький шериф с топором и однозарядным пистолетом, а против него – пятеро здоровых мужчин с ножами, да еще вымазанные кровью с головы до ног.

Разглядев шерифа, главарь осклабился и насмешливо произнес:

– Ба! Да это шериф Хопкинс! Привет, малыш.

– Эмиль Хоакин Гонсалес Умберта, – отдельно проговорил Джеймс. – Как же я рад видеть тебя, жирный мексиканский боров.

– С нашей последней встречи ты вроде стал немного выше, а?! – воскликнул мексиканец, и вся компания радостно захохотала.

– А ты оброс салом, – парировал шериф. – Небось медленный стал, неповоротливый!

– Неповоротливый?! – ощерился Эмиль Умберта. – Моей поворотливости хватит, чтобы раздавить в кашу все твои кости, крысеныш! Кстати, как поживает твоя сестрица? Она могла бы многое порассказать о моей неповоротливости!

Грабители заржали, Хопкинс побледнел, но сдержался.

– Послушайте, джентльмены, – громко сказал он, обращаясь к подельникам мексиканца. – Вы мне неинтересны. Если сейчас вы все бросите и просто уйдете – клянусь! – я не стану никого преследовать. Более того, если когда-нибудь мы встретимся на берегах Сакраменто, я никому из вас не припомню этот день. Если же сейчас вы убьете шерифа, то ваши жизни не будут стоить и ломаного гроша. На вас будут охотиться все законники Калифорнии, Орегона, Мексики, Техаса – куда бы вы ни направились, везде вас будет ждать только виселица! Вас будут травить охотники за головами, и даже дружки будут рады сдать вас, чтобы получить индульгенцию от властей. Мне нужен мексиканец, оставьте его, а сами убирайтесь на все четыре стороны и начните новую жизнь!

– Заткнись, гад! – прорычал Эмиль Умберта. – Не слушайте его, парни. Он хочет разделить нас, знает, что против пятерых ему не светит. И учтите, что виселица вам уже обеспечена. За воровство скота в каталажку не сажают!

Некоторое время чаша весов колебалась. Предложение Хопкинса было слишком заманчивым: чисто выбраться из глупой переделки, всего лишь сдав мексиканца...

Грабители неуверенно переглядывались.

– Я, пожалуй, пойду, – решился молодой рыжий парень с голубыми глазами и веснушками по всему лицу. – Какого черта! Идем, Скотти. Здесь полно золота, а мы быков свежем.

Белобрысый Скотти растерянно похлопал ресницами, почесал подбородок, на котором курчавились редкие белесые волосы, с удивлением посмотрел на окровавленные руки, осознал, что теперь даже лицо его испачкано кровью, и тихо выругался:

– Дьявол... Не знаю, Деррик. Эмиль сказал, на мясе можно здорово заработать... С другой стороны, убивать шерифа – последнее дело... Не знаю... Но если ты хочешь, то идем, пожалуй.

Мексиканец дернулся, но ему нельзя было выпускать Хопкинса из виду.

– Стойте, идиоты! – рявкнул он. – Вы что думаете, шериф тут один? Где-то рядом наверняка засада! Нам не вырваться по одному!

– Мне не по душе этот бизнес, мексиканец. Скотти, ты как хочешь, а я пошел, – решительно заявил рыжий Деррик.

Он развернулся и широко зашагал к повозкам, стоявшим у дороги в ста ярдах от загона. Скотти, догоняя, засеменил следом. Шайка разваливалась на глазах. Мексиканец поднял пистолет, направил его в спину уходящему Деррику и взвел курок.

Все это время Крамер тихо подбирался к угонщикам с тыла. Пока они увлеченно беседовали с Хопкинсом, он вытащил из кобуры свой «Уокер», пригнувшись, быстро перебежал к ближайшей бычьей туше, присел на корточки и взял на прицел одного из грабителей. Из-за бычьего рева он плохо слышал беседу, но в целом понимал, что Хопкинс пытается внести раздор в банду и, видимо, имеет успех. Его немного беспокоил пистолет в руках мексиканца, но тут он был бессилен как-либо помочь товарищу, поскольку Эмиль Умберта был скрыт спинами подельников. Когда в разговор вступили двое молодых грабителей, он понял, что цель достигнута: мексиканец еще не успел завоевать авторитет у наспех сколоченной шайки, его власть держалась только на словах, и в банде возникли разногласия.

Наконец, двое отделились от общей группы и направились к повозкам, пространство вокруг мексиканца освободилось, и Крамер смог поймать его на мушку. Он увидел, как Эмиль

Умберто повернулся боком к Хопкинсу и отчетливо услышал его отчаянный крик, обращенный к Деррику и Скотти:

– Вернитесь, идиоты! Там засада!

Его слова еще висели в воздухе, когда со стороны повозок раздался ружейный залп, и оба бунтаря рухнули на вытопанную землю. Мексиканец выругался самыми грязными словами и снова навел пистолет на Хопкинса.

Крючконосый, бывший, видимо, стреляным воробьем, не теряя времени на лишние объяснения, ловко прыгнул в сторону, перемахнул через забор и бросился наутек, лавируя между быками.

Крамер встал в полный рост, прицелился и выстрелил. Сизое облако порохового дыма на какое-то время окутало Крамера, он потерял из виду панораму сражения и не заметил, что за мгновение до его выстрела пятый грабитель, не сказавший за все это время ни слова, сделал резкое движение вправо, намереваясь прыгнуть в загон вслед за крючконосым, и поневоле прикрыл собой Эмиля Умберто. Пуля Крамера, предназначенная мексиканцу, угодила прямо посреди лопаток пятого участника банды. Ударом свинца того бросило вперед, и он всем телом упал на спину главарю. В то же мгновение Эмиль Умберто выстрелил в Хопкинса, но мертвый сообщник толчком в спину предотвратил смерть маленького шерифа. Мексиканец устоял на ногах, но пошатнулся, сбил прицел, и его пуля ушла в полуденное синее небо.

Эмиль Умберто затравленно озирался: он понял, что окружен, а битва проиграна. Со стороны повозок быстро приближались трое с ружьями, отход назад закрывал Крамер с кольцом наготове, а перед ним все так же неколебимо стоял Джеймс Хопкинс.

Мексиканец тоскливо посмотрел в сторону загона, где скрылся его приспешник.

– Не надейся, – сказал Крамер, проследивший за его взглядом. – Пристрелю, шаг сделать не успеешь.

– Твой выстрел уже прозвучал, законник! – насмешливо сказал мексиканец и медленно обернулся.

– У меня их еще пять, – недобро улыбнулся Крамер и показал мексиканцу кольт.

– Отличная вещица, мистер!

– Рад, что тебе понравилась, – произнес Крамер и положил ладонь на курок. – Брось нож, руки за голову и стань на колени! Живо!

– Нет, Фил, не стреляй! – громко сказал Хопкинс. – Оставь его мне.

В это время Саттер, Керук и Барнетт подошли к месту сражения и направили стволы на мексиканца. Разглядев участников засады, грабитель деланно развеселился:

– Ваше Императорское величество, мое почтение! – глумливо выпалил он. – Мы тут немного пошалили с вашей собственностью! Аха-ха!

– Мерзавец! – воскликнул владелец «собственности», лицо его перекосило гневом. – Тебе дорого станут эти десять быков! Ты отправишься на виселицу, не будь я Джон Саттер!

В это время Джеймс Хопкинс снял жилет, скинул на траву широкополую шляпу, стянул через голову рубашку, аккуратно сложил ее поверх шляпы и увенчал стопку одежды своим неразряженным пистолетом. В его руках остался только индейский томагавк.

Шериф отошел на десять шагов и обратился к мексиканцу:

– Иди сюда, жирный боров. Посмотрим, что осталось от твоей удали.

– Ты даешь мне шанс, крысеныш? – ухмыльнулся Эмиль Умберто.

– Да. Продлишь свою жизнь на время схватки. К тому же, если победишь, проживешь еще несколько часов, пока тебя дотащат до виселицы.

– Хорошее предложение! – ощерился мексиканец.

Крамер оценивающе поглядел на противников.

Эмиль Умберто на две головы выше и в два раза тяжелее шерифа, но и Хопкинс производит сильное впечатление. Его тело словно сплетено из сучьев и веток, а вокруг туловища дере-

вянные мышцы образуют сплошной непробиваемый каркас. Поигрывает шериф топором, разминает кисти, а под кожей на руках перекачиваются гибкие ивовые прутья. Кажется, выстрели в него – и пуля не пробьет, застрянет. Нелегко дались Джеймсу Хопкинсу двадцать лет работы в лесу.

Мексиканец тщательно вытер руки от крови, зачерпнул горсть пыли и растер ее в ладонях. Рукоять ножа вытер о рубашку убитого сообщника, взвесил клинок в руке, по-бычьему пригнул голову и враскачку двинулся к противнику.

Оба понимают свои преимущества и слабые места. Эмиль Умберто знает, что с ножом против топора не сдюжить, но на его стороне рост, вес и длинные руки.

Топор с рукоятью в пятнадцать дюймов дает Хопкинсу серьезные преимущества, но если тяжелый мексиканец собьет его с ног и навалится – считай, крышка. Единственная ошибка будет стоить жизни.

Сверкает на солнце отточенный край широкого лезвия, матово отсвечивает тупой набалдашник со стороны обуха. Бойтся мексиканец набалдашника: один удар по руке – и ты безоружен. Страшен топор в ближнем бою, не случайно из обширного арсенала холодного оружия белых людей индейцы полюбили именно короткий абордажный топор испанских пиратов и дали ему свое грозное имя – томагавк.

Бой ножа против топора скоротечен, длится до первой осечки. Руки-ноги береги! Промахнешься – и жить тебе останется меньше секунды.

Противники сблизилась, между ними не более пяти ярдов. Пригнувшись, напряженно пританцовывают по кругу, примеряясь к первому выпад – битва нервов и хладнокровия.

Хопкинс держит топор за рукоять в пяти дюймах от лезвия. Такая хватка оставляет рычаг для атаки и позволяет отбивать выпады противника. Вопреки ожиданиям мексиканца шериф топором не размахивает, его движения экономны и точны. Он явно не торопится нападать, но ждет атаки Эмиля Умберто.

Сейчас дождешься, крысеныш!

«Хэк!» – выпускает воздух мексиканец и делает первый выпад. Велика дистанция, не достанет. Снова топтание по кругу. Четыре руки описывают в воздухе кривые восьмерки; движения нервны, прерывисты; отвлечь противника, обмануть ложным шагом, заставить ошибиться.

Зрители молча смотрят с четырех сторон.

«Хы-а!» – снова выпад. «Клак!» – отбивает топор лезвие ножа, и, словно гадюка из виноградной лозы, шериф стремительно бросает свое тело вперед и чуть левее. Летит по дуге деревянный кулак на гибких сучьях, врежется справа в пышную физиономию Эмиля Умберто. Хрустит скуловая кость, на мгновение гаснет свет в глазах у мексиканца, но усмехается жирный боров: тебе, крысеныш, меня не свалить. Правда, правая сторона лица налилась свинцом и пульсирует. И с глазом что-то приключилось. Мутно все в глазу, вроде видит, а вроде и нет. Это чепуха, главное, руку под удар не подставить, не дать себя обезоружить.

Бойтся мексиканец, не сближается, но знает, что рано или поздно придется ему преодолеть те несколько дюймов, что дают фору топорю противника.

Не торопится Хопкинс, время работает на жилистого легкого шерифа. Тяжел мексиканец, все-то две минуты траву на лугу вытаптывает, а уже пыхтит, хватая ртом воздух, как лосось на берегу, ноги переставляет медленно. А может быть, притворяется, бдительность усыпляет?

Чтобы понять намерения противника, надо смотреть ему в глаза. Будешь следить за ножом, прозеваешь удар. Нож только повторяет то, что секундой раньше было в глазах. Смотри в глаза, Хопкинс, лови момент, когда в южных креольских зрачках появится отчаянная решимость покончить с крысенышем.

«Клак-клак!» – лезвие по топору; топор по лезвию – «Клак-клак!» Это все разведка, это не настоящее, лови последний выпад. Смертельный.

Вот что-то сверкнуло в черных глазах Эмиля Умберто, чуть дальше отвел он руку для удара, чуть ниже присел на правую ногу, чуть замедлил движение, напрягая мышцы для решающего прыжка! Но мгновением раньше все это прочел Хопкинс в его глазах и на короткий миг опередил грузного соперника. Летит боевой топор мивоков в горло врагу. Ох, не отбить его мексиканцу, ибо рука занесена для удара. И увернуться не получится, готовил атаку, к обороне уже не перейти: ноги не так стоят, центр тяжести смещен. Видит Эмиль Умберто полет топора, все понимает, а поделать ничего не может. Разве что голову наклонить хоть немного, чтобы не в шею, чтобы не разрубило кадык сверкающее лезвие. Врезается тяжелый топор стальной верхней кромкой в нижнюю губу, разбивает кожу, рвет мышцы, крошит зубы. Плюется мексиканец кровавой слюной и осколками зубов. Кашляет: подавился на вдохе собственными ошметками. Во рту соленая кровь мешается с мерзким вкусом железа и вытекает густым потоком, заливая сорочку на груди. А шериф по инерции проскакивает за спину и отвешивает издевательский пинок под зад своим сбитым сапогом, уничтожая достоинство джентльмена удачи.

Ах! Рассекает воздух клинок! Клак – отбивается топор, и тут же набалдашник бьет по колену сбоку. «Ууууы!» – ревет мексиканец. Правый глаз совсем заплыл, ничего не видит; левая нога отнялась, не стоит, не идет. Но рука все еще сжимает рукоятку ножа. Бешенство в глазах Эмиля Умберто. Ярость наполняет силой для последнего броска: задавлю, крысеныш!

Зрители расслабились, потешаются: очень уж забавно слышать, как мексиканец произносит оскорбительные эпитеты сквозь выбитые зубы. Как циклоп, с кровавой пеной у рта, озирает единственным оком Эмиль Умберто своих палачей. Кто ближе к нему, кто обиднее всех смеется?

Полуденное июньское солнце достигло зенита, пригрело пыльную землю. Запеклась, почернела свежая кровь на бычьих тушах и телах людей. Прав крючконосый, надо было грузить добычу и удирать. Да кто же знал, что все так скверно кончится?

Ведь не был сеньор Умберто злым человеком! Любил хмельные пирушки и разбитных веселых сеньорит из Мехико; нищим подавал, не скупился; на церковь честно жертвовал десятину. Где же благодарность, где милосердие твое, святая дева Мария? Неужто позволишь отправить на бойню набожного христианина за десяток быков возомнившего о себе чужеземца?

В окружении врагов стоял, приклонив раздробленное колено, знаменитый на всю Мексику угонщик Эмиль Хоакин Гонсалес Умберто. Улыбались враги, отпускали скабрезные шутки, и не было смысла просить пощады. Убийство, изнасилование и угон скота – вот три провинности, за которые тюремное заключение в Калифорнии не предусмотрено. Правда, три петли на шею не влезут, но и одной прихватят – не сорвешься.

– Вставай, мерзавец! – с презрительной улыбкой сказал Саттер и горделиво шагнул вперед, к поверженному грабителю. – Проиграна твоя битва. Сегодня же вечером сдохнешь на виселице.

Мексиканец поднял голову, тяжело опираясь на здоровую ногу, встал в полный рост и мутно поглядел на Саттера. Не зря святая дева Мария уберегла его руки от бронзового набалдашника. Убить бы хоть одного – и сто лет в родной деревушке Сан-Педро будет жить легенда, как Эмиль Умберто сражался с легионами гринго и в предсмертной агонии выпустил кишки самому Императору.

Последним отчаянным усилием мексиканец оттолкнулся от земли, занося нож для удара. В глазах Саттера появились тревога и недоверие: он не предполагал, что кто-то может покушаться на его Императорское величество, и совершенно не был готов к защите. И в тот же миг, словно пастуший хлыст, сухо треснул «Уокер» в руке Филиппа Крамера. Плечо мексиканца дернуло раскаленными клещами, рука его безвольно повисла и выронила оружие. Пуля раз-

дробила кость и порвала плечевую артерию. Эмиль Умберто охнул и медленно опустился на колени; с удивлением посмотрел на рукав рубахи, мгновенно набухший алой кровью, и силы окончательно оставили его. Он побледнел, сел на землю, бессмысленно огляделся, аккуратно прилег на бок и закрыл глаза. Из маленькой дырочки с ровными краями толчками вытекала кровь и смешивалась с навозом и грязью.

Джеймс Хопкинс молча натянул рубашку, надел жилет, взгромоздил на голову шляпу и взял свой старинный пистолет. Крамер следил за его манипуляциями, но пистолета не убирал. Когда Хопкинс закончил, он громко сказал:

– Поздравляю, дружище! Это был славный и честный поединок, но он еще не закончен. Этот полудохлый койот все равно не доживет до виселицы, так что...

– Я свою работу сделал, – спокойно ответил Хопкинс. – Не доживет до виселицы – пусть подыхает здесь.

Тут Саттер, пребывавший во время их разговора в некотором оцепенении, оживился и произнес:

– Если позволите, джентльмены...

Хопкинс в ответ пожал плечами и отвернулся. Саттер вынул из кобуры свой черный «Драгун», с легким усилием взвел курок и, прошептав «Во имя Отца и Сына и...», выстрелил мексиканцу в голову.

Лишняя дырка не могла обезобразить облик Эмиля Умберто более, чем он уже был обезображен. Голова его дернулась, но тело осталось неподвижным.

– Готов, – констатировал Саттер. – Но, джентльмены, мы упустили еще одного! Он не сможет далеко уйти пешим порядком, так не отправиться ли нам в погоню?

– По лесу, без дороги лошади не пройдут. Нам придется догонять его на своих двоих, – ответил Хопкинс. – Никуда он не денется, а нам на сегодня хватит приключений.

– В таком случае, прошу внимания, джентльмены! – провозгласил Саттер. – Я искренне благодарен вам за оказанную услугу и прошу оказать мне честь разделить с вами скромный ужин в Новой Гельвеции.

– Благодарю за приглашение, мистер Саттер, но, боюсь, нам придется отклонить ваше предложение. Нас ждут неотложные дела, – вежливо ответил Крамер.

– Послушай, Фил, – сказал Хопкинс, отведя Крамера в сторону. – Сейчас уже за полдень. Даже если мы отправимся, не медля ни минуты, прибудем к твоим покойникам только к вечеру, и все равно нам придется дожидаться утра, чтобы как следует изучить место преступления. Нам надо отдохнуть, привести себя в порядок и, в конце концов, когда ты последний раз спал на простынях?

– Но там Сэм, он ждет...

– Я отправлю к нему в помощь кого-нибудь из своих.

– Ну, если так, то... – пробормотал Крамер, которому вдруг смертельно захотелось хорошенько выспаться на белой, крахмальной простыне, постеленной на мягкую, пуховую перину.

– Пожалуй, у меня нет причин отклонять ваше приглашение, мистер Саттер, – торжественно сказал он.

– Прекрасно, джентльмены! – с довольным видом воскликнул Джон, но тут же на его лицо легла тень озабоченности. – Джеймс Хопкинс, полагаю, я могу взять себе имущество этих мерзавцев в качестве компенсации причиненного ущерба?

– Нет, – грубовато брякнул Хопкинс. – Имущество преступников поступит в распоряжение муниципалитета Сакраменто. А ты заберешь туши своих быков и скормишь старателям, квартирующим в твоём Форте. Если хочешь еще какой-то компенсации, можешь обратиться в органы власти в порядке, установленном муниципалитетом города или республиканским правительством, членом которого ты являешься уже десять лет, – съязвил шериф напоследок.

Саттер помрачнел и, ничего не ответив, прищипорил коня, которого к нему подвел Керук.

– Всего наилучшего, джентльмены, – подал голос Питер Барнетт. – Встретимся вечером за ужином.

Индеец лишь молча поклонился и последовал за хозяином.

Шерифы отсалютовали им и направились к повозкам. Проходя мимо трупов Скотти и Деррика, они задержались для досмотра личных вещей преступников, однако не нашли ничего примечательного.

– Жаль... – с участием сказал Крамер, глядя в широко раскрытые глаза голубые глаза Скотти. – Хорошие были ребята.

– Сами виноваты, – жестко ответил Хопкинс. – Надо было тщательнее выбирать друзей.

– Я не спорю, – миролюбиво сказал Крамер. – Но все равно жаль. Кстати, ты ведь обещал их не убивать.

– Нет. Я обещал их не преследовать и слово сдержал.

– Шельмец, – хмыкнул Крамер. – Идем скорее, я дьявольски голоден.

Они приторочили своих лошадей за уздечки к повозкам, заняли места на козлах и отправились в Сакраменто.

Пока мальчишка-посыльный разыскивал помощников Хопкинса, шерифы наспех перекусили свежим овечьим сыром, запивая его отличным красным вином.

Через час явился первый помощник Хопкинса. Это был смысленный малый тридцати лет по имени Мигель Эрнесто, которого тут же отрядили в помощь одинокому Сэму Джонсону. Получив подробнейшие инструкции, он отправился домой, наскоро собрал дорожный мешок и к вечеру благополучно прибыл к месту назначения, о чем наши герои узнали несколько позже.

Двум другим помощникам, явившимся далеко за полдень, было велено взять полдюжины арестантов, отбывавших наказания за мелкие нарушения; сформировать из них похоронную команду, снабдив надлежащим инструментом; прибыть на место сражения и ликвидировать его последствия. Для перевозки трупов Хопкинс выделил подчиненным две трофейные повозки, добытые в сегодняшнем бою.

Сделав необходимые распоряжения, они отправились в резиденцию Джона Саттера. Проезжая по центральной улице Сакраменто, Хопкинс указал Крамеру на отель, принадлежавший его шурину.

– Кстати, Джеймс, – оживился Филипп, – что говорил мексиканец о твоей сестре?

Хопкинс холодно посмотрел на приятеля и твердо ответил:

– Он никогда и ничего не говорил о моей сестре, Фил. Никогда и ничего.

Глава V

В то время, о котором мы повествуем, Форт-Саттер менее всего походил на крепость, коей, собственно, и являлся.

Он был построен на небольшом возвышении в миле от Американ-Ривер и занимал площадь около полутора акров. Устройство форта несло на себе отпечаток немецкой рациональности владельца.

В отличие от Форт-Росс, например, где путь непрошеным гостям преграждал частокол из заточенных бревен, стенами Форт-Саттера служили хозяйственные постройки. Они окружали главное здание сплошным укрепленным прямоугольником, за стенами которого располагались цеха и мастерские, продовольственные склады и цейхгаузы, жилье для работников и конюшни. Долгое время форт исправно служил полувоенной обителью в беспокойное время постоянных мятежей, восстаний и политических переворотов.

Но сейчас это был скорее гигантский постоялый двор со всеми присущими такому месту атрибутами. Большой двухэтажный дом с мансардой заполнили богатые постояльцы. Несмотря на чудовищную стоимость ночевки, все комнаты были заняты золотоискателями. С начала Золотой лихорадки хозяин постепенно поднимал плату за комнату, пока она не дошла до ста долларов за ночь. Такую роскошь могли себе позволить не многие, и все же свободных комнат в доме не бывало. Удачливые добытчики приходили в Сакраменто, имея при себе золота на десять, двадцать, а то и пятьдесят тысяч долларов, и в первую очередь попадали в теплые объятия спекулянтов, которые тут же покупали столько благородного металла, сколько был готов продать старатель по грабительской цене, назначенной оборотливыми дельцами. Десять долларов за унцию наличными – это очень мало, но ведь и без наличных никуда! Месяцами не видевшие приличной еды и питья, обезумевшие без женского общества, полгода простоявшие по горло в ледяной воде, мучимые целым букетом болезней от насморка до цинги и холеры, старатели легко расставались с золотом и оставляли владельцу форта по тысяче долларов за неделю отдыха.

Все хозяйственные постройки были заняты магазинами, складами, лабазами и прочими коммерческими предприятиями, причем самым большим из них был торговый склад Сэма Бреннона.

Массивные дубовые ворота форта, прежде всегда запертые на мощные засовы, теперь практически не закрывались. Здесь жизнь была ключом, здесь был центр золотообмена. По двору беспрестанно сновали коммерсанты, управляющие, трейдеры, посыльные и прочий мелкий люд. Пространство заполняли скрип тележек, грохот ящиков, скрежет скобяного товара, веселые переключки и беззлобные переругивания товарищей по торговому цеху.

– Эй, Джимми! Не отказался бы сейчас от хорошего куска мяса под красным соусом, а, приятель?

– Иди к черту, Боб! Работать еще два часа, у меня живот к спине прилип, а он про мясо!

– Да, брат, сегодня затевается знатная пирушка.

– Ты про быков?

– Точно! Десять туш доставили с Фолсом Лейк. А шериф Хоп...

– Эй, Эльвира! Эльвира Дельгадо! Если ты торопишься ко мне, то я здесь!

– Провались в свой подвал, Джимми! Сегодня у меня другой герой!

– Скажи, кто тот счастливчик, уж я ему...

– Небось шериф Хопкинс...

– Что?

– Шериф Хопкинс. Он, говорят, сегодня уложил мексиканца Умберто.

– Добрый вечер, джентльмены! Кто кого уложил?

– Это наш-то недомерок?!

– Вот тебе и недомерок. Голыми руками вырвал сердце и скормил койоту!

– Не койоту, а медведю!

Над головой Джеймса Хопкинса воссияли лучи внезапной славы. Весть о смертельном поединке молнией разлетелась по Сакраменто. Еще похоронная команда не вернулась с поля битвы, а городок уже гудел, как медный блин от удара здоровенной колотушки.

– Мой брат сам видел!

– Что видел, как они это самое?..

– Нет. Он в каталажке сидел за пьяный дебош. На прошлой неделе сцепился в салуне с каким-то чилийцем, ну и загремели оба под арест. А сегодня после полудня явились помощники шерифа и погнали их на северо-западное пастбище. А там – святая дева Мария! – весь луг усеян мертвецами, а у мексиканца разорвана грудь и нет сердца. Брат говорит, Хопкинс его голыми руками...

– И скормил койоту!

– Что за чушь! При чем здесь койот?

– Медведю! И сам он как медведь рычал, и когти выросли, что твои кинжалы!

– Рассказывай, ага. У него же топор вместо пистолета, вот и рубанул небось мексиканцу.

– А я тебе о чем толкую? Топор ему дает нечеловеческую силу! Прямо медведь-медведем становится! А сердце он сам съел!

– Вот он! Смотри, смотри!

– Как ни в чем не бывало...

– Ах, какой красавец!

Хопкинс и Крамер въехали на территорию форта через южные ворота. На минуту движение остановилось, и со всех сторон слышалось:

– Добрый вечер, мистер Хопкинс!

– Здравствуйте, шериф! С победой вас!

– Ура шерифу Хопкинсу!

Кто-то зааплодировал, остальные подхватили. В небо полетели шляпы и косынки.

– Черт знает что такое, – пробурчал Джеймс, спрыгивая на землю.

– Людям нужен герой, – философски усмехнулся Крамер. – Поздравляю, ты занял вакантное место.

Солнце скрылось за верхушками деревьев; дело шло к вечерней трапезе, и воздух форта наполнялся аппетитными ароматами, идущими из кухни. Из дома вышел Керук, почтительно склонился и принял лошадей.

– Прошу вас пройти в дом, – тяжело роняя слова, промолвил он густым баритоном. – Мастер Джон ждет вас.

Он снова поклонился и увел лошадей в стойло. Хопкинс неловко махнул рукой в знак приветствия всем, кто его чествовал, и шерифы под гром оваций вошли в главное здание форта.

Внутреннее убранство дома не отличалось роскошью. Хозяин явно вел пуританский образ жизни, показывая своим работникам пример скромности, добродетели и трудолюбия. Войдя в двери, гости оказались в большом холле, который одновременно служил гостиной и столовой для постояльцев.

Почти вся мебель была изготовлена мастерами, трудившимися на Саттера, и носила на себе черты характера своего владельца. Столы, стулья, шкафы и буфеты – все было выполнено без лишних изысков, прочно, добротно, на века.

Приятелей встретил чернокожий раб Саттера по имени Боги. Высохшей старческой рукой он сделал широкий жест в сторону хозяйской половины дома и молча поклонился.

– Боги! – с неожиданной теплотой в голосе воскликнул Хопкинс. – Рад видеть тебя живым и в добром здравии!

Губы негра дрогнули, изогнулись в полуулыбке, и он сипло проговорил:

– Не такое уж оно доброе, мастер Джеймс. Я тоже рад вас видеть. Проходите, мастер Джон давно ждет вас.

Гости повернули направо, прошли небольшую приемную, миновали еще один дверной проем и оказались в просторном зале с белеными стенами и высоким потолком. Пол зала был выстлан дубовым паркетом, шторы на больших окнах распахнуты. В дальней стене был обустроен уютный камин, напротив камина расположился длинный обеденный стол, сервированный к ужину.

Пятеро мужчин сидели у одного из окон подле небольшого столика, курили и потягивали аперитив.

Увидев вновь прибывших, Джон Саттер вскочил, распахнул объятия и стремительно двинулся навстречу, имея самое приятное выражение на физиономии.

– Добро пожаловать, дорогие друзья! Добро пожаловать! – гулко прогремел его голос. – Мы вас давно поджидаем!

Он обеими руками стиснул маленькую ладонь Хопкинса и долго тряс ее, не желая выпустить, пока шериф сам не освободился от пожатий благодарного Императора. Затем Саттер лаконично поздоровался с Крамером, внимательно оглядел его с ног до головы и сказал:

– Мистер Крамер, сегодня вы оказали мне неоценимую услугу. Мы не просто разогнали с вашей помощью банду грабителей. Слава о подвигах двух шерифов разнеслась по округе, и теперь любой мерзавец трижды задумается, стоит ли покушаться на имущество Джона Саттера и любого другого честного фермера.

Крамер вежливо склонил голову и приятно улыбнулся.

– Позвольте же мне отблагодарить вас самым скромным образом, никак не затрагивая вашей профессиональной гордости. Я знаю, что вы уже несколько дней скитаетесь без достойного приюта и отдыха. Прошу вас принять мою благодарность и гостеприимство: наверху вас ждет горячая вода и чистая одежда, а после ужина – мягкая постель. И, черт подери, я лично прослежу, чтобы перины были взбиты самым надлежащим образом!

– Благодарю вас, Джон, – снова склонил голову Крамер. – Горячая вода и кусок мыла – это именно то, что мне сейчас нужно.

– Пустяки, пустяки! – рассыпал любезности Саттер. – Луиза проводит вас в комнату, а через час мы ждем вас к ужину! Луиза! – крикнул он в полный голос.

Из боковой двери вышла маленькая индейская женщина со сморщенным личиком и присела в книксене. На ней было темное платье с белым воротником и молочного цвета передник.

– Луиза, будь добра, проводи мистера Крамера в его комнату, – распорядился Саттер.

Луиза вновь присела, изящно развернулась на каблуках и засеменила к выходу. Крамер двинулся за ней, а Хопкинс присоединился к обществу.

В представлении он не нуждался и сам отлично знал всех присутствующих. Кроме Джона Саттера и Питера Барнетта, в зале у столика, уставленного бутылками, сидели еще трое.

Прямо у окна, примостив зад на подоконник, вольно расположился Сэмюэль Бреннон собственной персоной. За полтора года Золотой лихорадки он возмужал и заматерел. Проницательный взгляд его вонзался в собеседника, словно острый щуп хорошего повара в сочащийся стейк: готов ли? Мормонская борода была ухожена, буйные кудри на голове тщательно уложены, и вообще в нем с первого взгляда угадывался человек при деньгах.

Против Бреннона, через стол, сидел молодой человек лет двадцати трех, с меланхолическим, но весьма благодушным выражением лица. Он рассеянно вертел в руке стакан, и по всему было видно, что его одолевает скука. Это был Джон Саттер-младший – единственный сын и наследник Императора Калифорнии. Черты его лица напоминали отцовские, однако

казались изящнее и тоньше. Длинные прямые волосы были зачесаны назад и чем-то смазаны для укладки. На нем были надеты щегольской новомодный пиджак коричневого цвета с затейливой вышивкой на груди, красная шелковая сорочка и штаны в цвет пиджака.

Завершал список гостей некто Рудольф Кроули, представительный господин лет пятидесяти с окладистой черной бородой, доходившей до середины груди, и тяжелым взглядом из-под густых нависающих бровей. У Кроули были правильные, хотя и несколько крупноватые черты лица. Чопорный стиль одежды и нарочитая сдержанность в словах и жестах выдавали в нем старосветского аристократа с отличной родословной. На нем была безупречная черная пара консервативного стиля и белоснежная сорочка, воротник которой он подвязал черной же атласной лентой. Господин сидел на краешке стула, прямой и строгий, как политика британского кабинета министров. Привстав, он кивнул Хопкинсу и снова сел, не издав ни звука.

Джон Саттер, выпроводив Крамера, подхватил Хопкинса под руку, подвел его к столу и снова провозгласил:

– А вот и герой баталии! Ох, джентльмены, жаль, что я не владею словом, ибо мужество и отвага нашего шерифа достойны быть воспетыми в одах и легендах!

Сэм Бреннон, широко улыбаясь, сделал шаг навстречу шерифу и воскликнул звонким, почти юношеским, тенорком:

– Джеймс Хопкинс! Почту за честь разделить трапезу с героем нашего города! Прошу вас, шериф: виски, ром, бренди?

– Спасибо, Сэм. Пожалуй, немного виски, – согласился Хопкинс.

Бреннон плеснул в стакан из пузатой бутылки и подал Джеймсу.

– Тост! – воскликнул Джон Саттер. – За наших смельчаков-законников! За воинов добра, стоящих на страже благополучия законопослушных граждан. Джеймс, прошу тебя принять в качестве благодарности небольшой сувенир.

Саттер взял со стола массивную коробку красного дерева и протянул шерифу.

– Что это? – подозрительно прищурился Хопкинс.

– Это кольт «Драгун». Новейшая модель! – торжественно провозгласил Император. – Во всей Калифорнии всего два экземпляра: один у меня, другой – у тебя.

Хопкинс колебался. Такой подарок вряд ли можно назвать взяткой, но, с другой стороны, ему смертельно не хотелось хоть в чем-то быть должником Саттера.

– Хорошо, Джон, я приму твой подарок, – наконец ответил он, – хотя мне и не хочется быть чем-то тебе обязанным. Но... Я ведь все равно обязан защищать тебя и твоё имущество, не так ли?

– Именно так! – развеселился Саттер. – И я уверен, что эта игрушка поможет тебе защищать меня лучше прежнего, хотя куда уж лучше! Аха-ха!

– Ну хватит, довольно! – поморщился Хопкинс. – Это моя работа, и я ее делаю в меру возможностей.

– Отлично сказано, Джеймс, – с усмешкой вставил Саттер-младший. – Надеюсь, твоё ревностное отношение к службе не зависит от материального положения гражданина, нуждающегося в помощи закона.

– Джонни, какого черта! – недовольно воскликнул его отец.

Но Хопкинс слишком давно знал Джонни Саттера, чтобы придавать значение его словам.

– Нет, – ответил он спокойно, – не зависит. И ты прекрасно это знаешь, Джон. Меня нельзя купить.

– Всех можно купить, – самодовольно протянул Джонни и приложился к стакану. – Это лишь вопрос цены.

– Пожалуй, соглашусь с Джонни, – сказал Бреннон. – Купить и продать можно кого угодно.

– В таком случае, я займу сторону шерифа, – решительно сказал Питер Барнетт. – Конечно, мы живем в такое время, когда деньги решают многое, возможно, даже слишком многое, но есть вещи, которыми нельзя торговать.

– Вы политик, Барнетт, вам нельзя придерживаться иного мнения, хотя бы на людях. А я не боюсь прослыть циником и подлецом, – продолжил спор Бреннон, – и остаюсь при своем мнении. Люди пускают с молотка самое святое, как только им предоставляется такая возможность. Вы слышали анекдот про похороны Джорджа Карсона? Прекрасно характеризует душевное состояние нынешнего общества.

– Что за Карсон?

– Скорняк из Сан-Франциско. Ушел в горы одним из первых и был, кстати, довольно удачлив. Напал на золотую жилу милях в двадцати отсюда вверх по течению Сакраменто, за год намыл десять тысяч долларов. Да вот беда, здоровья был слабого, две недели назад преставился прямо на прииске. – Бреннон умолк, благочестиво посмотрел в потолок и затем продолжил: – Хм... Так вот. Надо ли говорить, что соседи по лагерю чуть не поубивали друг друга за право на его участок. Джеймс Хопкинс не даст соврать: зубами готовы были грызть товарищей.

Взгляды устремились на Хопкинса, тот кивнул в знак согласия.

– А похороны несчастного и вовсе обернулись нелепым фарсом. Собралось всего человек пятнадцать, пригласили пастора Перкинса – ты его знаешь, Джон, такой долговязый хлыщ с гнусавым голосом. Стало быть, гундосит этот сын божий о беспримерных добродетелях усопшего, а сам пялится на груду могильной земли: там, понимаешь, что-то весьма недвусмысленно блестит, и этот блеск не дает сосредоточиться нашему пастырю. В конце концов, падре не выдержал: бросил Святое Писание и кинулся выгребать золото. Гости Карсона сначала смутились, но потом опомнились, присоединились к пастору и не ушли, пока не разгребли всю почву, что должна была послужить одеялом нашему покойничку. И это еще не конец, джентльмены! Они вытащили тело Карсона из могилы, убедились, что запасы золота не исчерпаны и в тот же день в полном составе явились в муниципалитет, чтобы застолбить за собой могилу в качестве прииска. А Карсона перевезли и закопали неподалеку от города без всякой лишней помпы, – закончил Бреннон, давясь от смеха.

– Откуда ты все это знаешь? – оживился под воздействием рассказа Саттер-младший.

– Я был там! – выпалил Бреннон и расхохотался. – За год этот парень продал мне половину своего золота, я должен был почтить его память!

– Экая ты циничная свинья, Сэм, – с искренней симпатией произнес Джонни.

– Да уж, вы нашли друг друга, – проворчал в усы Джон Саттер.

– Ну, что вы на это скажете, мистер Хопкинс? – сочным баритоном прогудел Кроули. – Пример более чем нагляден, м?

Надо заметить, что Кроули оказался одним из первых, кто не потерял ни минуты с того момента, как Сэм Бреннон ураганом пронесся по улицам Сан-Франциско со своей золотой колбой. Вечером того же дня он разыскал возмутителя спокойствия, получил у него подробнейшую информацию, а уже следующим утром снарядил экспедицию из дюжины наиболее крепких и толковых работников и сам ее возглавил.

Начало было прекрасным: под личным руководством Кроули команда работала слаженно и чрезвычайно эффективно. Он разделил участников на две группы и назначил бригадирами двух чилийцев, знакомых с горным делом по работе на английских медных рудниках. Таким образом, на его участках появились настоящие шахты с водоотводами, креплениями сводов и прочими признаками профессионального отношения к делу. Кроме того, между двумя бригадами зародилось самое настоящее соревнование за большую выработку, что поощрялось боссом не только на словах, но и материально. За полгода мистер Кроули стал богаче на астрономическую сумму в пятьсот тысяч долларов.

– Так что скажете, шериф? – повторил вопрос Кроули.

Не успел Хопкинс открыть рот, как в разговор снова вклинился Бреннон:

– Нет-нет! – воскликнул он. – Я по лицу вижу, что ты хочешь возразить, Джеймс. У каждого из нас есть что-то такое... э... жена, дети, мать... С этим ясно, я сам, не задумываясь, отдам имущество и саму жизнь за своих детей. Но есть вещи неосоздаваемые, эфемерные! Профессиональный долг, честь... Неужели ты станешь утверждать, что за кругленькую сумму не разрешишь спор старателей за право на прииск в пользу одного из них? Не будь ханжой, Джеймс, здесь все свои! – И он лукаво подмигнул Хопкинсу.

– Нет, Сэм, я не стану ничего утверждать, – ответил шериф. – Ты бизнесмен. Деньги приносят тебе еще большие деньги, и я допускаю, что именно поэтому они стали главной ценностью твоего существования. Наверное, тебе трудно представить... Да что далеко ходить, ты знаком с Гарри-сапожником?

– Конечно! Прекрасный мастер. Пожалуй, лучший в Калифорнии.

– Вот именно. Сидит в мастерской, тачает сапоги и очень гордится своей профессией. И заметь, Сэм, качество его сапог не зависит от цены, которую он за них берет. Он просто не умеет делать их плохо. Сейчас окрестности Сакраменто кишат богачами. Гарри мог бы взвинтить цены на свою обувь, работать меньше, а зарабатывать больше. Он мог бы набрать толпу помощников, открыть цех, потом еще один, и обути в свои сапоги все Западное побережье, но он и этого не делает: боится, что сапоги станут хуже и это скверно отразится на его репутации. Он ничего не делает для денег, Сэм. Предложи ему миллион долларов, чтобы он навсегда бросил свое занятие и жил припеваючи, и он пошлет тебя так далеко, как позволит его княжеское происхождение.

– Он князь?!

– Хм... Ну, я знаю об этом только с его слов. Вроде бы фамилия у него княжеская.

– Ты носишь сапоги, сделанные восточным сапогом, Сэм! – прыснул Джонни. – Боже, что за страна!

– Однако, – озабоченно произнес Джон Саттер, – пора ужинать. Где же наш милый Крамер? Луиза! – крикнул он. – Луиза!

В дверях вновь появилась маленькая индианка.

– Луиза, будь добра, поторопи мистера Крамера и пригласи к нам миссис и мисс Саттер!

– Слушаюсь, мистер Саттер, – тихо отозвалась служанка и скрылась за дверью.

– Джентльмены, пора за стол! – объявил Джон. – Прошу вас!

Загремели отодвигаемые стулья.

– Сюда прошу, мистер Кроули. Джеймс, прошу сюда, на почетное место...

– Оставь, Джон!

– Никаких возражений! Сюда, только сюда!

– Как будто смеркается, джентльмены.

– Да, сумрачно становится.

– Джон, не прикажете ли...

– Конечно, конечно! Керук! Где этот индеец... Керук!

– Я здесь, мастер Джон.

– Керук, будь любезен, зажги свечи.

– С каких пор Керук стал у вас дворецким, Джон?

– С сегодняшнего дня.

– А где же наш славный Бредли?

– Сбежал, джентльмены! Мой славный Пол Бред-ли сбежал в горы. Жаль, но надо отдать ему должное, он поставил меня в известность относительно своих планов.

Открылась боковая дверь, и в проеме появился благоухающий Крамер. На нем была белая сорочка, черный смокинг и соответствующие штаны, которые несколько не вязались с

его кожаными сапогами и, кроме того, были коротковаты, но, учитывая обстоятельства, это было простительно.

– Вот и наш дорогой Филипп! – воскликнул Саттер. – Как вы себя чувствуете, мой друг?

– Прекрасно, мистер Саттер, прекрасно! Я вам крайне признателен! – с чувством ответил Крамер.

– Полно, друг мой! Зовите меня просто Джон.

– В таком случае зовите меня просто Филипп, – сыронизировал Крамер.

– Аха-ха! – развеселился Саттер. – Ты славный малый, Фил! Я это сразу понял. Жаль, что у нас не было случая сблизиться раньше.

– Да уж, сегодняшний случай – что надо!

Распахнулась главная пара дверей, и в зал стремительно вошла пожилая дама, за которой семенила девица. Это были миссис и мисс Саттер. Мужчины встали, каждый учтиво поклонился.

Анна Саттер происходила из древнего австрийского рода и в девичестве носила фамилию Дюбельд. Это была сухощавая женщина с желтой нездоровой кожей и печатью легкого безумия на лице.

Она вскинула лорнет и уставилась на общество колючими глазками, в которых мешались тревога и недоверие.

Джон Саттер вышел навстречу и протянул руки.

– Добро пожаловать, мои дорогие, – мягко проговорил он. – Прошу вас присоединиться к нашей дружеской компании.

– Где Бредли, Джон? – нервно произнесла в ответ миссис Саттер скрипучим голосом. – Где мой милый, добрый Бредли? Без него этот дом обречен на запустение и хаос!

Она гневно топнула ногой, по ее обширным одеждам пробежала волна, а черный чепец, венчавший голову, сдвинулся на полдюйма вперед и выпустил две пряди седеющих волос. Она поправила головной убор и, не дожидаясь ответа, проследовала к столу. Крючковатый нос, острые скулы, тонкие бесцветные губы – черты Анны Саттер не оставляли шансов утверждать, что ее лицо хранило следы увядшей красоты: увы, она никогда не была красива.

Джон подхватил ее под руку и сопроводил к столу.

– Позволь представить тебе, дорогая: шериф Филипп Крамер из Сан-Франциско. Сегодня он проявил себя настоящим героем, как и наш давний друг мистер Хопкинс.

Крамер склонил голову в учтивом поклоне. Миссис Саттер уставилась на него сквозь линзы, в ее глазах обозначились признаки любопытства.

– Фил, позволь представить тебе мою жену Анну и дочь Анну Элизу Саттер.

– Очень рад познакомиться, леди, – ответил Крамер учтиво. – Надеюсь, мы не слишком беспокоили вас своим присутствием.

– Ну что вы, что вы, – проскрипела Анна Саттер, разглядывая Крамера с тем любопытством, какое вызывает у придиричивого покупателя породистый жеребец. – Мы всегда очень рады гостям, особенно таким героям. Анна Элиза, погляди, какого красавца привела в наш дом судьба.

Анна Элиза залилась густым румянцем и присела в реверансе. Дочери Джона Саттера едва минуло семнадцать, и, пожалуй, во всей Калифорнии не нашлось бы еще одной столь непривлекательной девицы. Широкая в кости, прямая и плоская, она была напрочь лишена какого-либо изящества. Первое, что обращало на себя внимание при первом знакомстве с мисс Саттер, были ее широко расставленные глаза. Они как будто тянули половинки ее лица в разные стороны и делали его еще шире, чем задумала природа.

Она была одета в зеленое платье пыльного оттенка с огромным кринолином из китового уса, увенчанное бантом в кружевных рюшах. В ушах висели огромные золотые серьги, украшенные изумрудами, а пальцы были унизаны кольцами и перстнями самых причудливых форм.

Дамы заняли места за столом.

– Так, – значительно произнесла Анна Саттер. – Ну, значит... Да! Где Пол Бредли?

– Он ушел от нас, дорогая. Я говорил тебе об этом утром перед тем, как уехать на пастбище, – скорбно сообщил Саттер.

– Придется мне взять на себя его обязанности, – проворчала жена.

Она встала и откинула крышку фарфоровой супницы, из которой немедленно повалил пар, распространявший умопомрачительный запах бобового супа с копченой грудинкой. Миссис Саттер взяла в руки серебряный половник.

– Передавайте тарелки, джентльмены, не бегать же мне вокруг стола, обслуживая вас! – сказала она и внезапно глупо хихикнула.

Зазвенела посуда, гости передавали и принимали тарелки, а Джон Саттер ходил вокруг стола и разливал напитки в бокалы.

– Да, джентльмены, с уходом Бредли у меня осталось четыре самых верных и преданных человека. Остальные разбежались по лесам и горам. Даже Кел! Мой верный маленький Кел оставил меня в столь тяжелое время!

– Что за Кел? – с удивлением спросил Кроули. – Я не знал такого...

– Маленький мерзавец! – каркнула миссис Саттер, которая разлив суп по тарелкам, снова села на стул и стала похожа на черную нахохлившуюся ворону.

– Кел – это индейский мальчик, – пояснил Джон. – Его родители погибли, и я приютил сироту. Он был очень расторопен и смыслен! Но вот уже... э... неделя как сбежал.

– Неделя? Да уж месяц прошел, если не полтора! – пылко возразила миссис Саттер.

– Действительно? – удивился тот. – Я совершенно потерял счет времени... Да... Четверо. Между тем я плачу им по десять долларов в день! А повару все пятьдесят...

– Ты платишь повару пятьдесят долларов в день? – подал голос Джон Саттер-младший. – Полторы тысячи в месяц?!

– Да! – злобно рявкнул Саттер-отец. – Надеюсь, этот восхитительный суп не станет тебе поперек горла, когда ты узнал, чего он мне стоит.

– Зато остался без пастухов, – продолжал наседать Джонни. – И теперь любой проходимец может резать твоих быков. Я уж не говорю о том, что некому выгонять скотину на выпас, но при этом ты платишь повару пятьдесят долларов за бобовый суп с грудинкой?!

– Не могу же я платить по двадцать долларов в день пастухам! – взорвался Джон Саттер. – Это безумие, нелепость, дешевый фарс!

– Не такой уж дешевый, – ответил сын. – Тебе давно следовало бы...

– Что?! Что мне следовало бы? Пустить всех животных на мясо? Разрушить все, что я создавал десять лет?

Гости молча поедали поданное кушанье, не вмешиваясь в перепалку отца и сына. Все, кроме, пожалуй, Крамера, знали о давней их размолвке на почве несовпадения взглядов на перспективы семейного бизнеса.

Многие приписывают честь основания города Сакраменто именно Джону Саттеру-младшему, хотя это не совсем так. Он не был основателем города, но очень верно оценил потенциал этого места и с началом Золотой лихорадки направил все силы на строительство и расширение маленького поселка. Однако он не располагал достаточным количеством оборотных средств и вынужденно прибегал к помощи новоявленного богача Бреннона, а стало быть, делил с ним барыши.

– Прости, отец, но ты осел! – выпалил он и бросил ложку. – Твоих быков скупают приезжие фермеры по двадцать долларов и тут же отправляют на скотобойню. Каждая туша приносит им пятьдесят долларов оборота, то есть тридцать долларов чистой прибыли. Какого черта ты трясешься над своими быками, овцами, свиньями? Их всех надо пустить на мясо, а деньги вложить в недвижимость! Меня просто бесит твое тупое упрямство.

– Идиот! – потерял терпение Саттер-отец. – Кому я продам такое количество мяса? Кто его съест?

– А кто сейчас его ест? – парировал сын. – Спроси у мистера Крамера, сколько людей сейчас живет в Сан-Франциско! Посмотри, сколько провизии завозят каждый день в Сакраменто! Деньги уходят каким-то прохиндеям, а ты чахнешь над своей империей... Император! – бросил он презрительно, встал из-за стола и отошел к окну.

– В самом деле, Джон, – робко сказал Крамер. – Я не могу давать тебе советов, поскольку далек от бизнеса, однако сейчас в Сан Франциско живет около двадцати тысяч человек, и каждый день количество жителей увеличивается. Чтобы прокормить такую прорву людей, нужно много мяса.

– Ну вот еще... Не встревай, Фил. Ты не понимаешь, – продолжал кипятиться Саттер. – Единственное, что есть ценного у скота, – это шкура на выделку и сало для производства свечей, а у овец – еще шерсть. Мясо всегда было побочным продуктом, убивать животное ради мяса – это чушь! Нонсенс!

– Мугу... – промычал Джонни издалека, раскуривая трубку. – Эта чушь принесет кучу денег тому, кто угонит твоих быков, а у меня нет сомнений, что их рано или поздно так и будет. И ты, в конце концов, лишишься всего, что нажил. Знаешь, почему теперь продают мясо лавочники? Еще в прошлом году оно стоило не дороже двадцати центов, а теперь за него берут по два доллара за фунт! Ежедневно к нам перегоняют целые стада быков из Мексики и Орегона. Ты совершенно утратил связь с реальностью, отец.

Внезапно подала голос Анна Элиза.

– Как вы относитесь к законопроекту, освобождающему Калифорнию от рабства, мистер Крамер? – выпалила она заученную фразу тонким, чуть визгливым голосом и покраснела.

Крамер поперхнулся бобами, Саттер с укором посмотрел на жену, Кроули усмехнулся в бороду, Джонни и Сэм откровенно заржали, Хопкинс и Барнетт никак не отреагировали на этот пассаж.

Филипп прокашлялся и ответил вопросом на вопрос:

– Вас действительно интересует мое мнение по этому вопросу, мисс Саттер?

Анна Элиза смутилась и с тревогой уставилась на мать.

– Если девушка спрашивает, так уж, наверное, интересуется, – желчно проговорила Анна Саттер.

– Рабство! Только рабство спасет экономику Калифорнии от разорения и краха! – вдруг горячо провозгласил Кроули.

– О! Еще один потерпевший! – весело воскликнул Джонни.

– Ваши рабочие тоже покинули вас, мистер Кроули? – спросил Барнетт.

– Ушла первая бригада в полном составе, – ответил бородач и стал раскуривать сигару. – Во второй – брожение и разговоры. Чего еще им надо, не понимаю.

– Сколько вы им платили?

– По двадцать долларов в день при условии выполнения плана выработки и премиальные. Это чертово золото совершенно сводит людей с ума.

– Это объясняется просто, мистер Кроули. Каждый день они добывают вам золота на две тысячи долларов, а в качестве оплаты получают сотню на всех. Отдайте им хотя бы половину добытого – и они перестанут «бродить». Я тоже плачу рабочим на стройке по двадцать долларов в день, и они довольны только потому, что не видели золота своими глазами. Если бы они работали на приисках, мне пришлось бы платить им куда больше. Конечно, случается всякое. Наслушавшись рассказов про золотые копи, кто-то срывается и уходит, но это редкость. Впрочем, – пожал плечами Сэм Бреннон, – люди вольны поступать, как им вздумается.

– Ты еще молод, Сэм, – ответил Саттер, – и много тебе еще предстоит пережить и понять. Ты думаешь, этот сброд, что едет сюда за золотом, способен создать что-то значимое? Нет,

мой юный друг! Дай им волю, – он сверкнул глазами в сторону сына, – они разрушат все, что было создано старшим поколением! Только жесткие законы удержат плебеев в рамках и обеспечат процветание республики. Самостоятельно они не способны к чему-то большему, чем неорганизованный грабеж!

– Тебе, конечно, больше по сердцу организованный грабеж по методу мистера Кроули, – съязвил Бреннон. – Признайся, Джон: ты просто не способен вписаться в новую жизнь. Перед тобой открылись потрясающие возможности, но ты упорно держишься за старые привычки, и поэтому обречен. Почему ты не платил своим работникам достаточно, чтобы они не сбежали?

– Потому что это бы меня разорило! – воскликнул Саттер.

– Черта с два! Если бы они продолжали работать, их труд принес бы тебе куда больше пользы и денег!

– Больше пользы мне принесет окончательная легализация рабства, чтобы я мог на законных основаниях вернуть их и привлечь к созидательному труду!

– Каким образом, любопытно? Полгода назад к тебе приезжал полковник Мейсон. С ним было тридцать солдат республиканской гвардии. А сколько уехало с ним обратно в Монтерей? Четверо! И те не сбежали только потому, что были поставлены в караул и постоянно находились на виду. Кто будет ловить твоих беглых рабов, если даже солдаты дезертируют со службы?

– Вы в чем-то правы, Сэмюэль, – задумчиво произнес Барнетт. – В ваших словах есть толика истины. Однако замечу, что правда все же на стороне Саттера и Кроули. Свобода не каждому по карману и не каждый способен ею распорядиться на благо себя и общества.

– Золотые слова, Питер! – подхватил Саттер. – Рабство дает твердую опору не только рабовладельцу, но и рабу. Вот, например, Боги. – Саттер сделал широкий жест рукой в сторону холла, где гостей принимал старый негр. – Этот немощный старик ни на что не годен, разве только стоять у дверей и развлекать посетителей. Но я забочусь о нем! Я благодарен ему за верность и клянусь всем, что есть у меня святого, не брошу моего Боги на произвол судьбы. Свой конец он встретит достойно, окруженный заботой любящих людей. А что получают безумцы, пустившиеся во все тяжкие? Они голодают, болеют, убивают друг друга и кончают жизнь в страшных муках. Успеха добиваются пятеро из сотни, и не потому что намыли много золота, а потому что смогли выгодно пустить в дело то, что добыли! И все равно они продолжают погоню за призраками, за миражами! Только страх ужасного, неотвратимого наказания остановит их от саморазрушения!

Хопкинс почувствовал, как Крамер толкнул его ногой под столом. Джеймс вопросительно посмотрел на Фила, внезапно понял, о чем тот думает, и шепнул:

– Чш! Потом обсудим!

– Больше свободы – больше хаоса, – продолжил свою мысль Барнетт. – Разве справедливо то, что происходит сейчас в хозяйстве Джона? Десять лет он строил свою империю – и что? Все может быть разрушено только потому, что один пьяный плотник не удержал язык за зубами.

– Для политика вы удивительно недалёковидны, Барнетт, – серьезно сказал Джонни и пустил каскадом красивые кольца табачного дыма. – Что такое золото? Это всего лишь повод, предлог. Сэм Бреннон не вытащил из земли ни единого самородка, зато один только склад в этом форте приносит оборот... Сколько тебе приносит склад, Сэм?

– Около ста пятидесяти тысяч в месяц.

– А сколько ты платишь за его аренду?

– Безумные деньги, Джонни. Я рыдаю каждый раз, когда отправляю твоему отцу чек на пятьсот долларов.

– Причиной вашего краха, джентльмены, могло стать что угодно! Любая новая идея, которая захватила бы умы жителей Калифорнии. Кстати, Сэм, – внезапно сменил тему Саттер-младший, – а что твои единоверцы мормоны? Ты ведь должен отчислять десять процентов своих доходов на церковь, не так ли?

– Должен, да не обязан, – ответил Бреннон и презрительно скривил рот. – Эти святоши имели наглость прислать мне требование об уплате ста тысяч долларов во имя Господа.

– И что ты им ответил?

– Что готов отдать их церкви все свое состояние, если они пришлют мне чек, подписанный лично Иисусом.

Эта грубоватая шутка сняла напряжение, возникшее в компании вследствие жаркой дискуссии. Все рассмеялись, и даже хмурая ворона миссис Саттер приятно улыбнулась Крамеру.

В этот момент в зал вошел полный человек с круглым, розовым лицом, одетый в белый фартук и колпак:

– Мистер Саттер! – громко обратился он к хозяину. – Подавать ли горячее?

– Прошу, Генрих! – обрадовался Джон. – Это очень кстати.

Повар скрылся, но уже через минуту вернулся, неся в каждой руке по большому круглому блюду, на котором еще скворчали стейки, приготовленные из свежей говяжьей вырезки.

Мужчины оживились, споры стихли сами собой.

– Миссис Саттер, вам прожаренный?

– Пол Бредли знал, какой кусок мне положить...

– Спасибо, Джон, я сыт.

– Нет и нет, Джеймс! Ты обязан это попробовать. Давай-ка вот... средней прожарки.

– Настоящая американская кухня, Фил! Отведай с этим соусом! Ну, что скажешь?

– Удивительный мастер, он стоит тех денег, что получает.

– Кстати, Джон, давно хотел спросить.

– Слушаю, Сэм.

– Как получилось, что ты достиг таких успехов за столь короткое время? Испанцы пришли сюда сто пятьдесят лет назад, но никто из них не смог создать ничего похожего на твою империю, а?

С этим вопросом к Джону Саттеру вернулась прежняя напыщенность и надменность. Он расправил плечи, приосанился, напустил на себя задумчивый вид и назидательно произнес:

– Во-первых, мексиканцы ленивы. Во-вторых, капитан Ротчев.

Выдержав театральную паузу и дождавшись того момента, когда внимание и любопытство слушателей достигнут пика, он пояснил:

– Всем, что имею, я обязан собственной предприимчивости и бесценному опыту, который я перенял у русских. Могу твердо заявить, джентльмены: в тысяча восемьсот тридцать восьмом году самым процветающим предприятием Калифорнии был Форт-Росс. Тогда я и познакомился с капитаном Алексом Ротчевым, управлявшим русской колонией. Главное отличие русских от испанцев было в том, что одни пришли сюда созидать и богатеть, а вторые – завоевывать и отбирать. И я выбрал первый путь. Алекс Ротчев был очарователен. Он нес этому краю образование и культуру. Во время обеда его жена играла на рояле Моцарта... Именно тогда он сказал слова, которые стали залогом моего будущего успеха: «За нитку бисера и холщовую рубаху индеец станет вашим верным рабом. Приютите его, Джон, приласкайте! Не истребляйте безжалостно по примеру испанских колонистов – и вы увидите каким благодарным и трудолюбивым товарищем он может быть!» И он был тысячу раз прав, друзья мои. Я подружился с индейцами, привлек их к полезному труду, и вот...

– И вот Форт-Росс принадлежит тебе, а русским пришлось убраться восвояси! – весело заметил Бреннон и рассмеялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.